Три лепестка королевской лилии

Автор:
Василиса Волкова

Три лепестка королевской лилии

Василиса Волкова

Дочь Киевского князя Ярослава Мудрого, Анна, отправилась во Францию, чтобы стать супругой короля Генриха I. Воспитанная в духе Византийского просвещения, она готовится стать добродетельной супругой и достойной королевой, чтобы принести мир измученной долгими войнами стране. Но встреча с молодым графом Валуа навсегда перевернёт её жизнь. Оказавшись в гуще событий и в центре политических интриг, Анна вынуждена выбирать между долгом и любовью. Корона или сердце? Какой выбор сделает она?

Глава 1

Апрель 1051 год. Реймс

Княжеская колымага тряслась по ухабистой дороге, вытряхивая душу из ее пассажирок. Весь основной путь они проделали верхом, но на границе им пришлось пересесть в нее, чтобы явиться в город во всем блеске и великолепии. Казалось бы, в повозке ехать гораздо легче и удобнее. Однако вскоре их воодушевление от окончания пути сменилось раздражением и усталостью. Это богатое и дорогое средство передвижение было прекрасно для поездок семьи по городу или для торжественных выездов из княжьего терема. Но, как выяснилось, было совершенно непригодно для дальних путешествий, да еще и в

период распутицы: деревянная кабина-короб крепилась прямо на оси с колесами и на ухабах колымагу немилосердно трясло.

Весеннее таяние снегов превратило дороги в чавкающее месиво из грязи и глины. Колеса, следующих за колымагой повозок, и крытых телег то и дело увязали в черно-коричневой жиже. И путешествующим каждый раз приходилось покидать свои места, чтобы помогать лошадям вытягивать свой груз из чавкающего болота, которое прежде было дорогой. Из-за этого обширный кортеж невообразимо растянулся, чем сильно беспокоил охранников-воинов под руководством рыцаря Гослена де Шони, и раздражал вынужденными задержками сопровождающих преподобных отцов.

Два епископа стояли во главе вереницы подвод и, чтобы скоротать время, лишний раз пересчитывали повозки, доверенного им добра, и довольно потирали руки.

Кортеж был обширен: три больших колымаги впереди и множество подвод с богатым товаром из далекой Северной страны. В телегах, покрытых телячьей кожей везли драгоценные меха, масла, оружие, лари и сундуки со скарбом и женскими нарядами и, разумеется, с золотом и драгоценными камнями. Особенно выделялась тщательно охраняемая повозка с просмолённой крышей и днищем от влаги и дополнительно плотно обтянутая кожей – с такими тщательными предохранениями путешествовали фолианты из киевской библиотеки.

Но, безусловно, главное сокровище, они везли в самой первой княжеской богатой колымаге с открытыми окнами. Собственно именно ради него святые отцы и потратили два года своих жизней, чтобы выполнить поручение, данное французским королем. Путешествие выдалось тяжелым и чрезвычайно долгим, но, слава Богу, окончилось благополучно и близилось к завершению. И теперь высокопоставленных путников сопровождали около полусотни всадников, прекрасно вооруженных, которые носили великокняжеские гривны на шеях, и штандарт с гербом правителей Киева.

– Хвала Отцу небесному, мы дома. – снова сварливо пробурчал епископ Роже. Его спутник осторожно покосился на него. – Сегодня мы будем спать в нормальных постелях, и эта дикая варварская страна останется только в наших воспоминаниях.

– Справедливости ради надо сказать, – тактично кашлянул епископ Готье, когда мимо них проехала повозка, груженная сундуками с мехами. – что для дикарей русы очень богаты. И слухи оказались верны: их женщины так же красивы, как передает молва. Откровенно говоря, нам повезло, что князь Ярослав согласился на наши предложения.

– Король будет доволен. – кивнул Роже, и сменил тему. – Но как же хорошо вернуться назад, во Францию.

Готье снова тактично промолчал. Шалон, епископом которого считался Роже, стоял на землях графства Шампань, поэтому номинально для возвращения домой, святым отцам следовало еще вернуться туда. И, разумеется, предоставить отчет графу Блуа о проделанном путешествии.

Готье невольно посмотрел на главную повозку с грустью. Окрестности дороги не добавляли жизнерадостности новоприбывшим: сизое небо нависало над путниками, производя гнетущее впечатление, а их взглядам на многие лье открывалась пустошь, покрытая редкими чахлыми деревьями и пожухлой прошлогодней травой. Вдали виднелись городские стены Реймса – конечной цели столь долгого пути через всю Европу. Большой старинный город, в котором издревле венчались на царство все французские короли, высился серой громадой на фоне мрачных окрестностей и тоже не слишком внушал жизнерадостности впервые оказавшимся в этой стране путникам

Из окна колымаги за этим всем наблюдали две молодые девушки. Обе кутались в теплые меховые плащи, затянутые в перчатки узкие красивые ладони сжимали у горла воротник, стараясь сохранить тепло. Они были во многом похожи: обе высокие, статные, с длинными очень густыми волосами, заплетенными в толстые косы. Одна была блондинкой с лучистыми голубыми глазами, которые делали хозяйку похожую на лукавую лисичку. Милые ямочки на ее щеках, говорили о том, что их обладательница любит смеяться, хотя она и взирала сейчас на окрестности без радости и воодушевления. Вторая была обладательница удивительно красивых волос золотисто-медового оттенка в купе с выразительными серо-голубыми глазами в обрамлении густых черных ресниц. Ее теплый плащ был оторочен богатой горностаевой опушкой, а меховая шапочка украшена жемчужинами и изящными ажурными височными кольцами, обрамлявшие красивое лицо.

Но сейчас ее тонкие черты были напряжены – подходил конец таком долгому путешествию, а ее новая жизнь только начиналась: в Реймсе ждал жених – король Франции Генрих. Ради него ей пришлось покинуть не только родной город, но и родную страну, родителей, братьев, и, как остальные сестры, стать королевой в чужой стране, служа политическим интересам отца. И двадцатилетняя принцесса была твердо намерена растопить сердце сурового короля: во время долгого пути старательно вместе со своей спутницей учила французский язык под руководством епископа Савейера и епископа Роже. Первый постоянно присутствовал в повозке с принцессой и отвечал на ее бесконечные вопросы о короле, Франции, городах, которые они проезжали и людях. Добродушный епископ по мере возможности старательно удовлетворял любопытство подопечной, отмечая про себя, что будущая королева составляет для себя не слишком лестное мнение об этих предметах. Святой отец уже успел не раз пожалеть, что ввязался в это нелегкое и опасное дело, понимая, что вопреки изначальным ожиданиям короля, тот вряд ли останется доволен своей невестой, даже принимая во внимание ее баснословную красоту и богатое приданное. Киевская княжна, руки которой они с епископом Роже с таким трудом добивались, была безусловно роскошной невестой, но некоторые черты ее характера внушали преподобным отцам опасения. Ее смелые рассуждения, достойные ученого мужа, острый ум и твердость взглядов не отвечали канонам о благородной девице, о которых говорила Святая Церковь. Но с другой стороны в ее характере Савейер обнаружил так же доброту, благородство и искренность. Эта девушка рождена была стать царицей или королевой, и по воспитанию и по природным дарованиям. Откровенно говоря, святой отец в глубине души радовался, что такая женщина наденет корону Франции. Но Генрих ожидал к себе просто молодую, здоровую принцессу, которая родит ему наследников и свяжет его родством с дворами Европы. Оставалось только надеяться, что Его Величество заметит тонкость и чувствительность души невесты, и будет прислушиваться к ее мудрым советам и рассуждениям.

– Смотрите, к нам едет всадник. – Готье отвлек своего спутника от мыслей и указал на приближающуюся фигуру гонца. – Видимо, есть новости, которые глава города хочет спешно нам сообщить до того, как мы въедем.

А девушки со смесью чувств из страха, волнений, рассматривавшие городские стены, тоже заметили всадника. Когда он достиг повозок, то спешился и направился к епископу Роже с донесением. К нему же подъехал рыцарь Гослен де Шони, которого король отправил в землю русов сопроводить свою невесту во Францию. Но тот больше предпочитал вино и женщин по дороге, чем беспокоился о безопасности своей подопечной. И девушке оставалось только

радоваться, что отец отправил с ней отряд дружинников из Киева.

– Как ты думаешь, Милонега, каков он на самом деле? – принцесса теребила в руке носовой платок, а ее спутница крепче сжала вторую ладонь. – Вдруг я ему не понравлюсь?

– Я уверена, княжна, что король будет счастлив видеть вас! И возблагодарит Господа за такую супругу, как вы! – круглое личико Милонеги озарила ободряющая улыбка и ее спутница улыбнулась в ответ.

– Епископ Савейер говорил, что Генриху 43 года, он суров и аскетичен. Всю жизнь проводит в войнах и походах, и даже в своей столице бывает не часто. Должно быть его дворец напоминает военный шатер

– Господь управит. – философски ответила спутница. – Но я уверена, что вы сможете найти способ растопить и такое холодное сердце.

Роже считался главой посольства, поэтому первый прочитал донесение. Нахмурился и передал его Готье. Епископ пробежал глазами строчки и озабочено посмотрел на колымагу.

– Нам будет сложно объяснить это ей.

– У нас нет выбора. – отрезал Роже, свернул свиток и направился к русинкам.

– Княжна, – Готье и Роже встали рядом с окном колымаги и обратились к ней, – мы только что получили известие, что наш кортеж видимо слишком опередил время. Короля в Реймсе нет.

– То есть, как нет? – удивленно вскинула бровки княжна.

– Король со свитой изволил отбыть в Орлеан пару дней назад, его ждут только сегодня вечером. Поэтому нам придется одним въехать в Реймс.

– А разве король не должен встречать свою невесту, чтобы перед глазами народа торжественно въехать в столь древний и важный город? Тем более, в город, где вскоре предстоит ее коронация? – удивилась Милонега.

– Король велел своей невесте, княжне Анне, ждать его в резиденции в Реймсе. – ответил Роже. – Позже он присоединится к ней.

– Прошу, ваше высочество, продолжим путь. – епископ Готье постарался своим спокойным и мягким голосом погасить зарождающееся недовольство русинок. Девушкам нравился этот добродушный пухлый священник, и они кивнули ему

– Да уж, – протянула Милонега, – не слишком дружелюбно нас встречает король.

– Это можно назвать оскорблением. – поджала пухлые губки принцесса. – Когда моя мать прибыла на Русь, отец послал большой отряд дружинников на границу для ее сопровождения, и сам выдвинулся ей на встречу. Когда невеста моего брата Всеволода…

– Все-таки он король, мало ли какие срочные дела его вызвали в этот Орлеан?

– Ты права. – вздохнула Анна.– Надеюсь, что права. И он просто очень занят срочными делами… в которые мне слабо верится, а не пытается проявить свое неуважение ко мне.

– Странная страна, однако. – протянула Милонега рассматривая в окно серые каменные стены Реймса, вдоль которых они проезжали. – Очень негостеприимная.

– Княжна, – верхом на жеребце к окну кареты подъехал командир охраны Столпосвят, – епископ Готье и Роже настоятельно просят вас опустить полог окна пока мы не приедем.

– Чтобы люди меня не видели? И не подумаю!

– Я с вами согласен. Княжна. – старый сотник снизил голос, – но все таки это их страна и они знают лучше свои обычаи. Они очень просят вас, опустить полог. Говорят, это для вашей безопасности.

– Хорошо. Поезжай вперед. –она кивнула Милонеге и та одернула кожаные шторы окна, поместив тесное пространство колымаги в полумрак. – Ты права, Милонега, негостеприимная страна. Но все же ты не права в другом, боюсь

именно неуважение ко мне пытается продемонстрировать король и наши преподобные отцы стараются это сгладить. Иначе, зачем еще прятать меня от людских глаз?

– Бог их знает, княжна. Но в любом случае, – она игриво подмигнула, – вы же не венчаны еще, дружинники наши с нами. Если дальнейший прием покажется нам не гостеприимным, мы всегда сможем вернуться домой.

– Ты знаешь не хуже моего, Милонега, что обратного пути у нас нет.

– Обратный путь есть всегда и вы это тоже знаете. Неуважение к княжьей особе уже достаточный повод отменить все договоренности. В конце концов, этот брак всегда был больше нужен королю Генриху, чем вашему отцу. Уж не знаю, как епископы умудрились уговорить его на этот брак.

Карета затряслась по булыжнику мостовой и из-за затененного окна доносились звуки активного большого города: кричали зазывалы лавок и цирюлен, перекрикивались прохожие, ржали лошади, пьяные гуляки распевали песни.

– Вы просто устали, княжна. – резюмировала спутница. – Как и мы все. Скоро наш путь закончится. Сможем, наконец, согреться, отдохнуть, по-человечески поесть и помыться.

– Это было бы прекрасно. – мечтательно улыбнулась Анна. Через минут десять колымага резко повернула, цоконье копыт отразило эхо (видимо въехали под арку) и движение прекратилось. Анна поправила шапочку, Милонега разгладила ей плащ и подобрала несколько выбившихся волосков из косы. Княжна перекрестилась, гордо выпрямила спину, приняв величественную позу на сиденье, и стала ждать. А за пределами колымаги забурлила жизнь: слышны голоса людей, цоконье копыт, рев скота. Несколько человек о чем-то бурно спорили, французский Анны не позволял разобрать тему их разговора, смогла только разобрать «король» и «Орлеан». Милонега попыталась отодвинуть полог и в образовавшуюся щелочку выглянуть, но очень быстро задернула – дверца повозки открылась и внутрь ворвался отвратительный запах застоявшегося пота, навоза и прелого сена. Епископ Готье подал ей руку, но по обычаям, принятым на Руси, первой из колымаги, к удивлению всех, во дворе вышла Милонега. Она величаво, подобрав полы длинного платья, чтобы не испачкать дорогую ткань, ступила на брусчатку, присыпанной соломой. Повисло молчание,

Анна осторожно выглянула в проем и увидела как человек двадцать – мужчины и женщины – стояли на ступенях большого замка перед большими двустворчатыми воротами, впереди них расположился седой толстый мужчина, одетый богаче, остальных. Все они с интересом рассматривали Милонегу, видимо решив, что перед ними и есть великая княжна киевская. Женщины неловко теребили свои фартуки, мужчины переминались с ноги на ногу, не зная что делать. Чуть в отдалении стояла группка богато одетых по местным меркам женщин и впереди них как статуя высилась высокая сухопарая женщина с высоко поднятой головой. Они ждали, когда епископы официально представят девицу, стоявшую посреди двора. Эта маленькая уловка была заготовлена девушками, чтобы у княжны была возможность все заранее рассмотреть, выиграв пару минут.

Епископ Роже нарушил затянувшееся молчание и протянул руку второй девушке. Анна постаралась принять себе доброжелательно-величественный вид, который всегда принимала мать, во время выездов в город и постаралась максимально изящно выйти из колымаги. Среди челяди замка прокатился вздох: женщины восхищенно воззрились на молодую госпожу, мужчины кидали удивленные взгляды и некоторые даже тихо перекинулись парой фраз. Вопрос кто из них русская княжна отпал сам собой.

– Ваше высочество, – епископ Роже обратился к Анне, – позвольте представить вам Жака де Валь, сенешаля королевской резиденции в Реймсе.

– Очень приятно познакомиться, господин де Валь . –мягко улыбнулась Анна, грозный старик расцвел в улыбке и поклонился ей. Но он не понравился девушке за лицемерные глаза и то, что мужчина от волнения сильно потел и обдавал всех вокруг своим смрадом.

– Добро пожаловать в Реймс, ваше высочество. Дворец То к вашим услугам.

– Княжна, – продолжил Роже, подзывая на суровую даму, похожую на аскетичную монахиню. – а это баронесса де Сен-Меран, ваша старшая дама.

– Очень приятно, госпожа де Сен-Меран.

– Добро пожаловать во Францию, принцесса . –сухо ответила женщина, окинув недоброжелательным взором княжну, но поклонилась ей.

– Госпожа де Сен-Меран обеспечит ваше комфортное пребывание здесь. – пояснил епископ. – А так же познакомит вас с правилами и обычаями королевского двора.

– Отлично. – Анна заметила как старая дама приняла ее и решила опередить противника, – мои вещи надо разобрать, просушить и привести в порядок. Людей надо накормить и обеспечить всем необходимым, мы просто валимся с ног от усталости.

– Господин де Валь займется этим. – кивнула старая дама. Старик хлопнул в ладоши и слуги рассыпались по двору, Анне только оставалось удивиться слаженности их работы. Но сдаваться не собиралась.

– Замечательно. Что касается меня, то я и Милонега должны отдохнуть с дороги и помыться. Прикажите подготовить баню.

– Баню, Ваше высочество? – от удивления у нее расширились глаза, от чего морщины на лице стали еще виднее. Это слово ей далось с трудом.

– Ну да. Вы же слышали, княжну. – вставила Милонега, но удостоилась такого взгляда от старой дамы, будто та посмотрела на вошь.

– Госпожа де Сен-Меран, это моя наперсница и подруга госпожа Милонега. – заступилась за нее Анна. – Мы проделали долгий путь и нам надо освежиться, чтобы привести себя в порядок.

– Принцесса, что такое баня? – наконец выдавила из себя та.

– А где у вас моются? – удивилась Анна, задав встречный вопрос.

– Принцесса намерена сейчас мыться? – казалось, у старой дамы от шока остановится сердце. Она смотрела на девушку, словно та была покойником.

– Госпожа де Сен-Меран, мы очень устали, поэтому я прошу вас, обеспечьте нас теплой водой для умывания. И может нам хватит уже стоять на ветру и весеннем морозе, покажите мои покои.

Озадаченная сверх меры старая дама, подобрав подол длинного платья и переступая через лужи повела княжну и ее служанку в замок.

– Почему она называет вас принцессой? – тихо по-славянски зашептала Милонега.

– Видимо потому что, во французском языке нет словно «княжна».

– Как и слов «баня» и, видимо, «мыться». – хихикнула Милонега.

– Зато, – улыбнулась Анна. – мы с тобой можем гордится – уроки французского даром не прошли, мы освоили и этот язык.

Вопреки ожиданиям русских путниц желанный отдых в ожидании прибытия короля наступил нескоро. В замке царил холод, как в погребе, мрачные коридоры освещались факелами, а в покоях было сумрачно и тоскливо. Княжну поселили в отдаленном крыле замка, выделив под ее нужды несколько довольно больших и просторных, но угрюмых комнат. Узкие маленькие оконца едва пропускали тусклый солнечный свет, пахло сыростью, затхлостью и сушеными подгнившими травами. Горел камин, но его тепла было явно недостаточно, чтобы прогреть помещение, и он больше наполнял дымом и копотью комнату. Немного достаточно грубой деревянной мебели составляли практически всю обстановку помещений, по стенам которых были развешены гобелены. Анна с Милонегой окинули всю мало радостную картину, переглянулись недоуменно и принялись за дело.

Наперсница, начала с того, что позвала служанок, распорядилась убрать полусырые поленья и принести хороших сухих дров. Огонь в камине загорелся лучше и веселее. Анна велела вымести, как следует, пол, собрав разбросанные травы по полу к огромному удивлению женщин: оказывается, их специально здесь раскидали для лучшего запаха. Анне пришлось объяснить, что запах подгнившей травы ее мало радует. Взамен она из своих сундуков достала привезенный сбор ароматных трав из Руси, насыпала их в специальную деревянную тарелку, и по комнате поплыл родной запах полыни, лаванды и зверобоя. Милонега надолго исчезла в кухнях, в ее отсутствие Анна учила своих новых дам во главе с баронессой как правильно развешивать для просушки ее платья и головные уборы. Из сундуков на свет Божий появились шкатулки с

украшениями, гребни для волос и заколки, богатые наряды были аккуратно развешаны и проветрены. Унылая комната потихоньку оживала: на столиках появились резные фигурки животных, возле стен, установили закрытые жаровни, и в комнате постепенно стало тепло. Наконец, Милонега появилась во главе с процессией из четверых здоровенных мужиков, которые тащили большую бадью. Девушка, проинспектировав покои, выбрала самую маленькую комнату с камином, велела внести туда бадью и жарко протопить помещение, а бедные служанки замучались таскать горячую воду из кухни. После всех проволочек и трудов, Анна и Милонега, наконец, уединились в этом некоем подобие бани, и княжна блаженно вытянулась на простыни, которую подруга благоразумно поместила на дно бадьи, дабы не получить занозы. В горячую воду был добавлен мыльный травяной эликсир, и Анна с радостью терла себя мочалкой, соскребая с себя грязь и пыль. Милонега в этот момент мыла подруге густые волосы и споласкивала.

– Дикие люди эти франки! – удивлялась подруга. – Бань у них нет. Долго объясняла де Валю и этой старой карге чего я от них хочу. В какой-то момент поняла, что моего французского явно не хватает для общения с ними. Почти на пальцах им растолковывала. А они как испугались, как руками замахали! Нет, говорят, ни за что!

– Что «ни за что»? – удивилась Анна, выходя из бадьи и оборачиваясь в теплые, нагретые перед огнем, простыни. Подруга растерла ее кожу как следует, усадила на кресло и стала высушивать простыней волосы.

– Представляете, княжна, они считают, что мыться – опасно для здоровья. Да этому старому сморчку давно не мешает помыться! От него разит как от низкорылой свиньи. А баронесса, бежит от воды как черт от ладана.

Вдоль стены стояли три девицы и круглыми от испуга глазами наблюдали за всем происходящим. Неописуемый ужас на их лицах говорил, что они боялись лишний раз вдохнуть или шевельнуться. А то, что главные участницы действа говорили по-славянски, им мужества не добавляло. Видимо в их глазах то, что вытворяли две киевские девушки, выглядело как ведьминский шабаш.

– То есть как вредно? – повернулась к ней Анна. – Что за чушь? Герберга, Гизела, Адела, подойдите сюда. – княжна перешла на французский. Девицы переглянулись, но не посмели ослушаться приказа и робко сделали несколько шагов. – Запомните, мыться не только не вредно для здоровья, но и полезно. Я

моюсь всю жизнь, Милонега тоже. Раз или два в седмицу мы дома посещали баню. У нас на Родине это в порядке вещей.

– Ваше высочество, – после недолгого молчания самая маленькая Гизела решилась сказать – мыться-опасно для здоровья. Это все знают. Можно заболеть и умереть!

– Что за глупость? – Милонега старательно просушила густые волосы княжны полотенцем, предоставив огню камина довершить остальное, и уже сама с удовольствием забралась в бадью. – Разумеется, если зимой в ваших ледяных промозглых замках мыться холодной водой, а потом еще и не высушиться как следует, простудиться легко. Но если все сделать по уму, то это не только полезно, но и приятно.

– Куда большая опасность, – продолжила Анна, помогая подруге споласкивать водой волосы, – занести с грязью болезнь и паразитов.

Но испуганные донельзя девушки недоверчиво отнеслись к словам княжны. Когда Милонега закончила, они кинулись наводить порядок в импровизированной купальне. Вода была вылита, полотенца развешаны для просушки. Вдруг с улицы донесся шум: трубили рога, цокали копыта, словно передвигалась небольшая армия, раздавались крики и брань

– Княжна, – Милонега подошла к окну, стараясь рассмотреть что-то за мутным стеклом. – кажется прибыл король.

Анна придерживая на плечах меховой халат, так же заботливо извлеченный подругой из недр сундука, кинулась к подруге, стараясь тоже что-то увидеть. Но кроме суматошно бегающих слуг, коней и солдат в кольчугах рассмотреть что-то было сложно.

– Надо будет велеть промыть как следует окна. – поворчала Анна. – Милонега, одеваться!

Проворные руки подруги проворно расчесывали густые волосы княжны, укладывая их в традиционную прическу киевской княжны и прилаживая богатый кокошник, весь расшитый жемчужными нитями, переплетаясь которые закрывали и часть лба. Из сундуков появился самое лучшее платье, надетое на

тонкую белую нательную рубашку. Придворные дамы затаив дыхание наблюдали за действиями Милонеги, та попутно объясняла им свои действия. Наконец, Анна была готова, довольно оглядывая себя в зеркало, напоминая себе сказочную царевну из сказок: красное платье из теплой ткани, подбитое мехом, шитое золотыми нитями, сафьяновые сапожки на небольшом каблуке, дорогой сияющий самоцветами кокошник, под который была убрана толстая коса золотисто-медового цвета. Как венец всего действа, Милонега с превеликой аккуратностью набросила на голову княжны белую тончайшую вуаль, привезенную киевскими купцами из Византии, закрепила ее на кокошнике и окинула оценивающим взглядом плод своих трудов. Осталась довольна увиденным, и только после этого отправилась одеваться сама, позвав собой француженок чтобы те на ней попрактиковались в одевании русских нарядов. Анна же села снова поближе к огню в ожидании, когда за ней придут. Но прождав полчаса, она пришла к выводу, что король вовсе не торопится посмотреть на свою невесту. К ней подсела баронесса, предложив ей заняться рукоделием, чтобы скрасить ожидание.

– Благодарю, госпожа де Сен-Меран, но я слишком волнуюсь, боюсь, мои руки будут не слишком ловки для этого. – отмахнулась княжна. – Почему за мной не посылают?

– Король сам решает, когда и кому выделит время для аудиенции. – пожала плечами старая женщина, невозмутимо орудуя иголкой, вышивая салфетку. – Он занят важными делами королевства, не удел ли женщины – ждать?

– Разве может быть что-то важнее, чем брак короля? – удивилась Анна, но набралась терпения.

Милонега появилась из соседней комнаты в полном одеянии. Разумеется, ее волосы не покрывала дорогая фата, а кокошник не переливался самоцветами и яхонтами, но не менее густая коса так же была аккуратно заплетена, на лбу волосы были перехвачены расшитой узорами лентой, а с висков свисали кольца. Красивое платье, хоть и не такое дорогое и богатое как у княжны, сидело великолепно, красиво подчеркивая достоинства стройной фигуры.

– Принцесса, – баронесса недовольно окинула взглядом обеих девушек, – позвольте дать совет. Я понимаю, что вы приехали из другой страны, с чуждыми обычаями и нравами. Но во Франции так женщины не одеваются. Вам придется сменить весь гардероб. А заодно и вашей служанке.

– Что значит, не одеваются? – сдвинула бровки Милонега.

– Благодарю за совет, баронесса. – одернула подругу Анна. – Но пока я еще великая княжна киевская, а не королева Франции. А значит, буду выглядеть так, как должна представлять свой народ дочь Великого князя.

– И не принято так себя вести, принцесса. – гнула свою линию женщина. – По прибытии в замок в первую очередь вам следовало посетить Собор и отстоять службу в благодарность за удачное путешествие. А не плескаться в бадье, в которой мастера настаивают виноградный сок, рискуя застудиться насмерть. Так вы можете навлечь на себя гнев Церкви и своих будущих подданных. Во Франции живут люди благочестивые и богобоязненные.

– Баронесса, коли меня спрятали от глаз людских во время движения моей кареты по улицам Реймса, я посчитала, что не лучший вариант сейчас отправиться в церковь. Разумеется, при первой же возможности, я отстою службу. Но когда король официально дозволит мне показаться на улицах города. А до той поры, я должна сосредоточить все свои усилия, чтобы произвести впечатления на Его Величество, своего жениха. И толстый слой пыли, грязи и пота, который покрывал мое тело, вряд ли этому поспособствовал.

– Вы скоро поймете, княжна, – внезапно распахнулись двери и в комнату, степенно ступая, вошли епископы, сопровождавшие процессию из Киева, – что Франция и Русь сильно отличаются. Поверьте, король даже не заметит, что вы совершили омовение.

– Преподобные отцы? – Анна улыбнулась им. Сухопарая баронесса ее сильно стала раздражать.

– Мы пришли завершить свою миссию, Ваше высочество. Король ждет вас в Тронном зале.

Анна переглянулась с Милонегой, перекрестилась на распятие, висящее в углу комнаты, высоко подняла голову и ответила:

– Ну что ж, не будем заставлять Его Величество ждать долго. Ведите нас.

Роже вышел первым, возглавив процессию, а Готье доверительно встал рядом с Анной.

– Ваше высочество, прошу вас, – вдруг зашептал епископ, – будьте терпеливы. Король…

– Спасибо, святой отец за все. – отрезала Анна. – За ваши рассказы, советы и поддержку. Я очень вам благодарна. Но сейчас я не нуждаюсь ни в чьих советах.

– Тогда, ваше высочество, последнее напутствие… – четверка остановилась у резных двустворчатых дверей, – остерегайтесь графа Рауля. Никогда не знаешь, какую игру он ведет.

Анна кивнула, понятия не имея о том, кто такой граф Рауль, ее мысли были в данный момент очень далеко от этого. Епископы встали бок о бок перед принцессой, Анна выпрямила спину, сделала глубокий вдох, Милонега напоследок тихонько сжала ей руку и заняла свое место позади. Двери распахнулись по стуку трости хромого Роже и процессия двинулась в Тронный зал, где их ждал король.

В нос ударил резкий кислый запах застарелого пота, перебродившего вина и стали. Откуда-то играла музыка, слышался громкий смех. Зал оказался неожиданно большим: высокие своды поддерживались множеством колонн, среди которых стояли люди. Присутствующие, кто был одет в походную кольчугу и доспех, кто в соответствующие королевскому двору туники, но все как один были в плащах и при мечах у бедра. Они разговаривали между собой, и, казалось, совсем не замечали идущую в центре зала княжну и ее спутников. Сердце Анны от страха и волнения билось, словно птица в клетке, но ее до глубины души удивляло и даже оскорбляло поведение придворных – полное безразличие к ней, словно ничего важного не происходило. А она и вовсе была пустым местом. Однако княжна, несмотря на такое бесцеремонное равнодушие старалась изо всех сил сохранять спокойствие и изящность горделивой осанки и не менять походки. Процессия пересекла зал, в его конце на постаменте стояло большое бронзовое кресло, оббитое тканью, на котором восседал король. Он вальяжно развалился на этом троне, широко расставив ноги, позволяя своему объёмному животу, покоится без стеснений. Как и говорили ей в дороге, король был не молод, с сединой в черных волосах и бороде. Возможно, в молодости он был привлекателен, но сейчас от этого осталось мало напоминаний. В руке Генрих сжимал кубок с вином и неспешно разговаривал с кем-то из

приближенных. Епископы подошли к ступенькам помоста и поклонились. Король словно только сейчас заметил их и махнул рукой, разрешая им говорить.

– Ваше Величество, – откашлялся Роже, начав заготовленную речь. Анна почувствовала, как ее щеки предательски вспыхнули от волнения, и она отвела взгляд. Посмотрев в сторону, девушка внезапно поняла, что все же один человек во всем помещении смотрит на нее. Достаточно молодой мужчина, не старше 30 лет на вид, с интересом смотрел на русинок. Он стоял в богато расшитой золотом черной тунике поверх темно-зеленой рубахи, в теплом, подбитом дорогим мехом плаще, который скрепляла золотая фибула у горла. А его длинные чуть ниже плеч каштановые волнистые волосы выглядели настоящей гривой, красиво подчеркивая линию шеи. Видимо он имел обыкновение гладко выбривать щеки, но сейчас их покрывала легкая щетина и выглядела неорганично на его выхоленном лице. Этот незнакомец стоял почти у самого трона короля, по-хозяйски скрестив руки на груди и отставив одну ногу в сторону. До ее появления он разговаривал с кем-то из придворных, так как его собеседник, как ни в чем не бывало, продолжал свою речь, не обращая внимания. Но он сам чуть повернул голову и, скосив удивительные зеленые глаза, полные какой-то насмешливой дерзости, не стесняясь, рассматривал ее, и беззастенчиво оценивал княжну. Увидев, что Анна его заметила, веселья и дерзости в глазах стало заметно больше, а на тонких мужских губах заиграла самодовольная улыбка. Анна резко отвела взгляд, придав себе невозмутимый вид, но вынуждена была себе признаться, что взгляд этих зеленых глаз обжег ее душу. И в отличие от нее самой, незнакомец продолжает смотреть на нее, лукаво улыбаясь.

–…Великий князь Киевский, – тем временем продолжал Роже, и Анна поймала себя на мысли, что засмотревшись на зеленоглазого франка, совсем забыла о том где находится и зачем. – прислал свою младшую дочь княжну Анну Ярославну Вашему Величеству в залог вечной дружбы и нерушимости союза Франции и Руси. – закончив видимо длинную речь, которую девушка прослушала, Роже сделал шаг в сторону, Анна же вышла вперед. Тут, наконец, в зале повисла тишина, и десятки пар глаз воззрились на девицу. Милонега одновременно инстинктивно сделала шаг к ней. Король молчал, буравя темными глазами из-под кустистых черных бровей невесту. Анна приложила все душевные силы, но не отвела взгляда, только слегка наклонила голову в знак приветствия, как ее учила мать.

– Добро пожаловать во Францию, княжна. – наконец пробасил король. – Надеюсь, ваш путь не был утомителен.

– Отнюдь, Ваше Величество. – ответила Анна на французском. Брови короля взлетели вверх от удивления, краем глаза Анна видела, что придворные шокированы не менее него. Видимо, никто не ожидал, что иностранная принцесса знает их язык. – Франция прекрасная страна, я получила настоящее удовольствие, путешествуя по ее дорогам.

Она лукавила, скудные земли, сизое небо над головой и жалкие, бедные, если не сказать нищие, деревни крестьян и грязные унылые каменные города произвели на киевлян отвратительное впечатление. Но слова лести княжны достигли желаемого результата, король издал удовлетворенный звук, похожий на хрюк, а сурово сжатые губы тронуло некое подобие улыбки.

– Располагайтесь, замок к вашим услугам, княжна. – ответил король и махнул рукой, давая понять, что аудиенция окончена и вернулся к прерванному разговору с придворным. Роже и Готье поклонились ему, и, пятясь задом к дверям, оттеснили княжну и ее служанку к выходу. Анна вспыхнула от такой грубости, но, разумеется, сказать ничего не могла. Она только наклонила слегка голову в поклоне и, гордо повернувшись, в сопровождении Милонеги, на глазах у всего двора прошествовала через весь зал. Она не знала, как трактовать такое поведение короля, столь холодный прием, первоначальное безразличие придворных, но удалялась по возможности с самым большим достоинством и независимым видом, на который была способна. Но одна пара глаз, она чувствовала это почти физически, проследила за ней до самых дверей, а на губах их обладателя играла все та же самодовольная улыбка.

Когда двери за процессией закрылись, король едва заметно кивнул этому самому обладателю зеленых глаз, который все так же игриво смотрел вслед ушедшей княжне. Он стоял, не меняя положения скрещенных на груди рук, а на лице блуждала загадочная дерзкая улыбка. Подойдя к трону, он кивнул головой, обозначив церемониальный поклон королю. Хотя и без тени должного подобострастия, скорее отдал дань обязательному этикету для галочки, чем выразил настоящее почтение. Монарх махнул ему рукой, чтобы тот подошел ближе. И только когда расстояние между ними было достаточное, чтобы их разговор никто не слышал, Генрих заговорил.

– Ну что скажешь?

– Его Величество спрашивает меня об этой русской принцессе? – уточнил тот, на его губах играла все та же загадочно-игривая улыбка. – Что-то конкретное сказать о ней сложно.

– Перестань юлить. – пробасил король. – Я прекрасно знаю о твоей способности видеть людей насквозь. Что ты о ней думаешь?

– Роже, помнится, доносил нам, что дочь короля руссов баснословно красива, я вижу, что он был прав – девица прекрасна. Количество обозов с приданным, которые мы застали во дворе, подтверждают его слова о богатстве ее отца. Роже сообщал, что Анна умна, образованна, горда и независима..

– Вот-вот. – нахмурил брови король. – Горда и независима. Ее ум, образованность… все это меня мало волнует. – и помолчав добавил. – Главное что она молода, здорова и может рожать моих детей.

– Я слышал, что ее мать княгиня Игигерд родила десятерых детей. –поддержал сюзерена собеседник. Он говорил весьма учтиво, но если бы король присмотрелся, то понял бы, что тот думает о чем-то своем, словно разрабатывает какой-то план. – Об этой шведской принцессе ходили легенды. Говорили, что покойный Олав II, король Норвегии потерял голову от любви к ней, а ее руки добивались чуть ли не все принцы Европы. По заверениям Роже Анна – копия своей матери.

– Откуда ты все знаешь? – фыркнул король и отпил еще вина.

– Я заплатил писарю Роже и он собирал мне информацию в Киеве. – пожал плечами тот. – Она красива, молода, умна, воспитана. Дочь знатных родителей. И потом, она состоит в родстве со всеми правящими Домами Европы. А это на руку Франции.

– Мы уже это не раз обсуждали, Рауль. Не чересчур ли она независима?

– Лично мне нравится больше усмирять строптивых скакунов, от них более сильное и здоровое потомство. А самый непокорный город – самый богатый город. – Я думаю, она обвыкнется с нашим укладом жизни и подстроится под него. Ей только надо немного помочь. – он задумчиво подпер подбородок

пальцами. – Вашему величеству стоит быть к ней терпимее и снисходительнее. Такая королева будет очень полезна Франции.

– Возможно, ты и прав. – задумался Генрих и отпил еще вина. – Она сможет подарить мне здоровых детей, это все, что от нее требуется. А приданое пополнит мою казну. Но ее дикость и варварство настораживает меня. Нам же быть венчаным перед Господом.

– Я уверен, Ваше Величество, что если вы завоевали свой трон, то уж подчинить столь молодую женщину-иностранку, собственную жену, для вас не составит проблемы. – усмехнулся собеседник. Король резко повернул к нему голову и угрожающе произнес.

– Если бы я тебя не знал, то подумал бы, что ты обвинил меня только что в трусости.

– Но вы меня знаете, Ваше Величество. – как ни в чем не бывало улыбался тот и даже слегка наклонил голову . – Я самый верный и преданный ваш вассал.

– Хорошо, позови мне Шарля. – махнул рукой король, отпуская своего собеседника.

Анна в гневе почти влетела в свои покои. Как волчица, она металась по комнате и не могла найти себе места. Она хватала со стола то гребни, то заколки. Бросала их. Схватила молитвенник, заботливо оставленный баронессой, но тут же вернула его обратно. Кинулась к окну, но дойдя до него, резко развернулась и быстрыми шагами начала ходить по комнате, сжав кулаки. Французские дамы сжались, не зная как реагировать на такое поведение принцессы, одна Сен-Меран как ни в чем не бывало, продолжала вышивать. И только Милонега выразила то, что Анна не могла облечь в слова, обращаясь к епископу Готье, который сопроводил их до покоев.

– Как это понимать, преподобный отец? Ваш король не так заинтересован в этом браке, как вы уверяли великого князя Ярослава?

– Ваше высочество, – епископ нервно облизнул губы, стараясь подобрать слова. – Вы очень понравились королю, уверяю вас. Скоро вы получите подтверждение моих слов. Просто король… Франция… Ваше высочество… – Готье примирительно заговорил Анне. – Поверьте, то, что король принял вас на глазах у всего двора – уже невиданный жест щедрости и расположения. А то, что он при этом выразил вам почтение и гостеприимство это практически из ряда вон. Я предупреждал вас, нравы Франции и Руси очень разняться. Наш король всю жизнь провел в военных походах, добиваясь и отстаивая собственные права на престол. Он…– епископ понизил голос до шепота, оглянувшись, чтобы никто не слышал его слов, хотя по-славянски понимали только они трое, не считая Роже. – …он просто не умеет быть галантным. К тому же он питает сильное предубеждение против умных и сильных женщин. Королева Констас, я вам рассказывал, сделала все, чтобы лишить его и покойного принца Гуго короны.

– Ну хорошо. – вздохнула Анна и посмотрела в окно. Уже успело стемнеть, и дамы зажгли свечи. Их тусклый свет слабо помогал рассеивать полумрак. Анна задумчиво теребила жемчужные бусы, и смотрела в огонь камина. Казалось, княжна успокоилась и погрузилась в свои мысли. Внезапно в дверь покоев постучали, Герберга открыла дверь и в комнату вошел худенький коротко стриженный юноша. Отчаянно краснея и дрожа всем телом, он поклонился княжне, ожидая разрешения говорить.

– Ваше высочество, позвольте представить вам Шарля, сына барона де Бомон. Шарль – оруженосец короля Генриха. – церемонно произнес и улыбнулся епископ. Юноша испугано смотрел на королеву, а щеки его по-детски миловидного лица заливала краска смущения.

– Здравствуй, юный барон де Бомон. – кивнула Анна улыбнувшись, от чего юноша еще сильнее залился краской.

– Ваше высочество…-запинаясь начал Шарль и замолчал.

– Ну? – кивнула девушка. – Говори, не бойся.

– Его Королевское Величество приглашает вас разделить с ним вечернюю трапезу. Если, конечно, у вас есть на то желание. – выдавил наконец мальчик и, словно испугавшись собственной дерзости, опустил глаза в пол. Епископ с облегчением вздохнул и посмотрел на Анну, словно говоря «А я что говорил

вам?». Анна покусала губку, обдумывая слова оруженосца.

– Я очень благодарна, Его Величеству. – Кивнула она. –Безусловно, польщена оказанной мне честью и с радостью принимаю его приглашение. Передай королю, что я скоро присоединюсь к нему.

Мальчик радостно просиял и с обожанием и нескрываемым трепетным восторгом воззрился на княжну. Епископ кашлянул и Шарль, вспомнил где находится. Он церемонно поклонился и поспешил вон.

– Полагаю, – Анна встала к зеркалу, Милонега ловко начала поправлять прическу княжны. – я должна быть польщена таким вниманием короля?

– Вы быстро учитесь, княжна. – кивнул епископ, не заметив сарказма. – Король ужинает только с самыми приближенными людьми. Самыми богатыми и могущественными вассалами королевства. Полагаю, Его величество хочет представить вам их.

– Мне их? Или меня им? – снова саркастично спросила Анна.

– Всем вам это знакомство пойдет на пользу. – уклончиво ответил Готье.

Анна прошлась по вечернему холодному замку. Он все так же не внушал ей чувство гостеприимства в темное время суток, как и в дневное. Анна с щемящей тоской вспомнила родной Киев, где все было так тепло и привычно. И деревянные терема, и просторные светлицы, и горницы, печки и, конечно, бани. Улыбающиеся лица комнатных девушек, прекрасные, как древние богини, сестры, суровая и не менее величественно-красивая мать. Охота с братьями, верховые прогулки по осеннему лесу. Лирники и гусляры, танцовщики и цирковые акробаты, отцовская библиотека в Храме, ученые мужи и монахи, ведущие умные разговоры о Боге и природе естества. Послы из Византии, разодетые в шелка, суровые норманны, героические варяги на пирах…Все это осталось в прошлом, далеко на Востоке. В прошлой жизни. Теперь ее ожидала одинокие холодные замки, мрачный и суровый пожилой муж и абсолютно чужие люди. И единственным осколком, связывающим ее с Русью остается верная Милонега, которая несмотря на увещевания епископа и Сен-Меран увязалась за княжной на этот ужин к королю. Ощущая ее присутствие позади, Анна немного

успокаивалась, чувствуя обычную уверенность в себе, которая была сейчас так необходима. От этого ужина зависело многое – сумеет она понравится королю, значит свадьбе быть. А если нет – придется позором покинутой невесты возвращаться домой. И этого, последней незамужней дочери Великого князя вовсе не хотелось.

Стоящая на часах стража пропустила княжну и ее неизменную спутницу в личные покои короля. Русинка оказалась в небольшом помещении, видимо служившим ему чем-то средним между кабинетом и столовой. Десяток свечей да огонь камина не разгонял тьму, и царил приглушенный полумрак. В этом тусклом отблеске Анна различила, что обстановка была в общем-то очень проста: на стенах висели одинокий гобелен с непонятным сюжетом, оленьи рога и оружие, посередине комнаты стоял небольшой стол, три стула-кресла. Вот собственно и вся мебель. Генрих уже сидел во главе стола на кресле – некоем подобии трона, спиной к камину, как и раньше, мрачный и суровый он зябко кутался в меховую накидку и сжимал в руке все тот же кубок для вина. Ужин уже был готов, и все яства ожидали своей очереди на столе, выделяясь на льняной когда-то белоснежной скатерти, распространяя аппетитный запах: фрукты, хлеб, мясо и дичь. За креслом короля стоял уже знакомый Шарль и держал большой кувшин с вином. Двое мужчин о чем-то тихо переговаривались, стоя у камина. Один ворошил угли большой кочергой, стоя к Анне спиной. Княжна кивнула королю в знак приветствия, и тот тяжело вздохнул и хрипло произнес:

– Прошу, присаживайтесь княжна. – он указал ей на стул-кресло за столом. – Я пригласил вас разделить нашу трапезу, хотя обычно предпочитаю ужинать в компании моих друзей и самых знатных и близких мне вассалов.

– Я польщена вашим вниманием и доверием, Ваше Величество . – обворожительно улыбнулась Анна. Король на минуту задержал на ней тяжелый взгляд, но она его снова выдержала, и он продолжил.

– Я хотел представить вам, сударыня, моих ближайших соратников, которые собрались здесь почти все. Не хватает только моего младшего брата Эдо. К сожалению, их не так много, но каждому из них я могу доверить свою жизнь и честь.

Из тени от камина вышел невысокий мужчина лет сорока. Высокий лоб, цепкий взгляд и острая борода, большой рост и широкие плечи выделяли этого

человека. Он недружелюбно посмотрел на Анну, но поклонился ей с почтением.

– Представляю вам, княжна, графа Бодуэна V Фландрского, моего родственника. Моя сестра Адель во втором своем браке его супруга.

– Мое почтение, принцесса. – сухо произнес он, Анна кивнула и улыбнулась самой обворожительной улыбкой, на которую была способна. Бодуэн невозмутимо уселся по левую руку от короля, проигнорировав ее дружелюбие. Анна с едкостью заметила, что у этого человека, как и у короля, способность улыбаться вовсе отсутствует. Но очень скоро, Анна позабыла про Бодуэна и про его умение смеяться, так как мужчина, ворошивший угли в камине выпрямился и вышел на свет. Анна вздрогнула: ее снова прожег острый взгляд уже знакомых зеленых глаз. Несомненно, это был он, тот богатый приближенный из Тронного зала, стоявший так близко к Генриху. Теперь он был гладко выбрит, и княжна могла лучше рассмотреть лицо: мужественные узкие губы, небольшая родинка справой стороны на подбородке, крупный нос с горбинкой и очень выразительные лукаво блестевшие зеленые глаза из-под черных ресниц. Его шикарная грива волос непослушными кольцами спускалась на плечи, сливаясь по цвету с темной туникой. Он смотрел на нее все так же дерзко оценивающе, а на губах играла все та же надменно-загадочная улыбка.

– Позвольте представить вам, княжна, – махнул рукой король. – Рауль де Крепи де Вексен граф Валуа. – она кивнула, постаравшись улыбнуться так же, как Бодуэну, но поняла что терпит фиаско: под этим пронизывающим насквозь взглядом она терялась. Мысли разбегались в разные стороны, а лицо никак не желало слушаться свою хозяйку. Девушка покраснела и опустила глаза. Рауль победно поднял подбородок. Он прижал правую ладонь к сердцу и изящно поклонился, не опуская прожигающего взгляда с Анны.

– Княжна, добро пожаловать во Францию. – вкрадчиво произнес он, а Анна ощутила, что щеки ее еще сильнее залил румянец, однако его слова пролились бальзамом на душу: кроме короля и Готье ее славянским родным титулом ее никто не называл здесь. Анна сделала волевое усилие, приказав успокоится бешено бьющему сердцу, и подняла глаза на Рауля и как можно спокойнее ответила:

– Благодарю вас, граф. Мне очень приятно, – она перевела свой твердый взгляд на короля, – что меня принимают столь радушно, ваше величество. Благодарю вас за доверие и расположение. Ваши друзья – мои друзья, и коли вы доверяете

им свою жизнь, я могу безбоязненно доверить им свою.

Валуа и Бодуэн удивленно переглянулись, словно не ожидали от девицы такой длинной и умной речи. Король же, не отрываясь, смотрел на свою невесту. Пытаясь видимо ее оценить, Генрих искал признаков лицемерия в ее поведении или обмана, но не находил. Он был заинтересован русинкой и не спускал с нее внимательных глаз, стараясь рассмотреть ее получше и узнать, что же кроется за этой ангельской внешностью. Анна отвечала на его тяжелый взгляд легкой и дружелюбной улыбкой, а мягкий взгляд лучезарных серых глаз из-под длинных черных ресниц излучал радушие и очарование.

– Надеюсь, княжна, – нарушил повисшее молчание Рауль, – ваше путешествие было не обременительным?

– Вовсе нет, граф. – Анна постаралась не смотреть на него, чтобы не смутится снова. Она подставила кубок для вина, Милонега, до этого тенью стоявшая за ее спиной, мгновенно его наполнила. – Мой дядя Казимир, король Польши, муж моей родной тетушки Добронеги, любезно принял нас в Кракове, сопроводил через свои земли до самых границ своего государства на западе. Император Священной Римской Империи принял наш кортеж не менее гостеприимно, предложил посетить Ахен и поклониться праху Карла Великого.

– Вот как? – поднял брови Рауль. Король продолжал буравить взглядом Анну и пить вино. Бодуэн все так же молчал, но первый приступил к еде. На его тарелке высилась гора еды, и он с удовольствием рвал кусок курятины руками, выедая самые нежные места. И только Валуа в своем кресле не притрагивался ни к вину, ни к пище. Он сидел прямо, словно статуя, подперев голову рукой, и по-прежнему прожигал глазами княжну, но дерзкая улыбка с лица исчезла. – Разве Император был благосклонен к вам? Насколько мне известно, после того, как он отверг брак с вами, предложенный Киевом, отношения между вашими державами несколько охладели.

– Вы правы, – Анна не менее дерзко посмотрела на Рауля, нахмурив бровки, и тот недоуменно замолчал. – Но мой брат Владимир женат на племяннице Императора Оде. И Генрих дорожит дружбой Норвежского королевства, где правит сейчас муж моей старшей сестры Гаральд Храбрый. К тому же, он только-только сейчас наладил мир в мятежной Венгрии, заручившись дружбой с королем Андрашем, мужем моей сестры Анастасии.. Возможно, учитывая, наши с ним тесные родственные связи, император и был столь гостеприимен. – Анне

очень хотелось есть, она позволила себе положить на тарелку гроздь винограда и даже отщипнуть пару ягод, прежде чем продолжить. Она понимала, какой эффект производят ее слова, сказанные между делом, о родственных связях Рюриковичей. Происходящее было ясно ей как Божий день: король вместе со своими высшими вассалами решил устроить ей смотрины, чтобы составить себе о ней мнение. И сейчас, Анна отчаянно хотела прибавить себе веса в их глазах, ссылаясь на свою многочисленную родню во всей Европе. Из-под опущенных ресниц она тайком наблюдала за своими собеседниками, отчаянно пытаясь понять что же происходит в их головах: граф Фландрии Бодуэн, будучи неспокойным соседом императора Генриха, и даже вассалом его, скосил на нее глаза, но как ни в чем не бывало продолжил жевать. Лицо графа Рауля, было каменным, а в глазах читался мучительный мыслительный процесс, в ходе которого Валуа что-то просчитывал. По лицу Генриха же ничего понять было не возможно: он все так же мрачной тучей развалился в кресле, пил вино и буравил взглядом княжну. Анна с удовольствие поняла, что словами о своей семье она добилась ожидаемого результата, и решила уколоть французов, стараясь использовать самый невинный тон, на который была способна: – Поэтому путь через Европу нашему кортежу максимально обеспечили безопасность мои родственники. Чего нельзя сказать о ваших землях.

– О чем вы, княжна? – в момент подобрался Бодуэн и даже перестал жевать.– Вам что-то угрожала по пути сюда?

– Вскоре после пересечения границы с Империей, мы отправились по тракту, ведущему в Реймс. Но из-за весеннего половодья уровень воды в реках поднялся, и нам пришлось сильно изменить направление к северу и проехать через город Амьен, где мы провели ночь. По совету епископа Роже мы не стали останавливаться в замке графа, а воспользовались странноприимным домом. По его словам места там не спокойные. – краем глаза Анна заметила, как дернулся граф де Валуа и заметно напрягся. – Уже на следующий день, по дороге в область Иль-де-Франс, едва мы выехали из города, на наш обоз напал отряд хорошо вооруженных всадников, стараясь захватить наше имущество. Мои дружинники отбили их атаку, и они скрылись в лесу. Одного из этих разбойников нам удалось захватить, а допросив его, мы узнали, что это были люди герцога Нормандского, которые сопровождали его важного посланника в Амьен. Но на обратной дороге встретили нас и посчитали легкой добычей.

– Что? – взревел Генрих так, что Анна вздрогнула, и ударил кулаком по столу.

– Ваше высочество, – грозно сверкнул глазами граф Фландрии, – повторите еще раз. В Амьене был отряд всадников герцога Нормандского?

– И они посмели напасть на вас? – не менее угрожающе спросил Валуа. – Где этот ваш пленный?

– К сожалению, этот воин был тяжело ранен, а мои дружинники… как бы это сказать… Переусердствовали с методом допроса. Нормандец упорно не желал сообщать, проявляя чудеса стойкости, кому они служат, и какой сюзерен снабдил их такими хорошими воинскими доспехами: кольчуга на воине и его меч стоят небольшое состояние.

– Ваше высочество, – Рауль подался вперед, в свете пламени камина, его напряженные глаза горели каким-то неестественным огнем, – вы уверены, что этот рыцарь не солгал? Что посланник Нормандии мог делать в Амьене?

– Возможно, граф, – резко ответила Анна, – этот разбойник и мог придумать такую легенду. Но в одном из обозов мы привезли в Реймс штандарт, который, видимо он нес, сопровождая этого самого важного посланника в Амьен. На знамени посла два желтых льва на красном поле. Как мне объяснил епископ Роже, это герб герцогства Нормандского.

– Вильгельм вконец обнаглел! – Рауль повернулся к Генриху. Его глаза горели огнем, шевелюра волос от резкого движения облаком поднялась вокруг головы, а крупная мозолистая ладонь с размаху в ярости вонзила лежавший рядом кинжал в стол. Звякнула посуда, несколько виноградин сорвались с блюда и покатились на пол, бокал Анны опрокинулся, и на скатерть пролилось красное вино. – Что его посланник забыл в Амьене? О чем они еще могут договариваться с этим старым дураком?

– Снова этот Бастард! – вторил Бодуэн. – Снова он! Хороша благодарность за все! Снюхаться с этим амьенским…Прости, Рауль… Но это чистой воды предательство. Последняя фраза, адресованная Валуа удивила Анну. Разумеется, напасть на кортеж невесты короля – неслыханная дерзость. Но почему именно Рауль так остро отреагировал на происходящее?

– Ваше Величество, я вижу, что принесла важные новости? – постаралась невозмутимо спросить Анна, хотя вид трех разъяренных мужчин вызвал у нее до

сей поры редкое чувство страха. Сердце колотилось как сумасшедшее, руки словно парализовало. Она переводила взгляд то на одного мужчину, то на другого, то на третьего. Рауль сжимал рукоять кинжала, воткнутого в стол, Бодуэн сжимал кулаки, ходил желваками. Но самую страшную картину представлял собой Генрих: внезапно он вскочил, роскошная меховая шаль упала на пол, он даже не заметил этого. Тяжелыми шагами, топая кованными сапогами, он метался по комнате, то и дело хватал меч и кинжал. Король издавал устрашающие звуки, больше похожие на рык разъяренного зверя. Наконец, он схватил свой кубок с вином и со всей силы швырнул его о стену.

– Я не хотела, чтобы мои слова так подействовали на вас, Ваше величество. – вкрадчиво произнесла Анна, стараясь утихомирить гнев короля. – Я чувствую себя виноватой, мне не стоило проезжать через Амьен? Следовало дождаться, пока уровень воды в реках спадет? Но мы торопились как могли, так как очень не терпелось познакомиться с вами.

– Вовсе нет, княжна. – рухнул король в свое кресло. – Вы оказали неоценимую услугу. Герцог Нормандский налаживает связи в Амьене, это очень подозрительно!

– Мне доносили, что на Севере снова не спокойно. – снова вступил Рауль, обращаясь к мужчинам – Бароны Блуа стали чересчур нахальными и нападают на некоторые королевские замки. Поговаривают, что Тибо собирает силы. Не удивлюсь, если Амьен уже в союзе с ним. Но я считал, что это ничем серьезным нам не грозит, поэтому не предпринимал меры. Надо сказать, новости княжны в корне меняют дело: если к бунтовщикам примнет Нормандия, события принимут опасный оборот. Чего может понадобиться здесь Вильгельму? Может, Бастард хочет захватить Вермандуа? Малыш Герберт вряд ли сможет отстоять права своего графства.

– Ради чего бы они не объединялись, – вставил Болдуэн, – этот союз ничего хорошего не сулит!

Анна растеряно переводила взгляд с одного на другого или третьего, пытаясь разобрать, о чем они говорят. Но ни путанная французская политика, ни новый язык, еще не до конца укоренившийся в голове, не добавляли ей понимания происходящего. Внезапно, Генрих решил прийти ей на помощь.

– Нормандии это вассальное герцогство на северо-западе Франции, княжна. Они присягнули на верность короне, но по сути там всем правит герцог Вильгельм. На сегодняшний день, он один из самых могущественных герцогов Франции. – устало произнес король, Он морщился, держась за плечо, Шарль заботливо помог ему накинуть поудобнее меховую шаль и налил вина в новый бокал. – Его отец, Роберт Великий…

– Церковь его, правда, предпочитает называть Роберт Дьявол. – вставил Валуа.

– Да, Робер Дьявол – был великий человек. Я не встречал более умного, мудрого и справедливого правителя. Все мы, – он обвел рукой присутствующих, – обязаны ему во-многом всем, что нынче имеем. Когда моя мать столкнула нас с младшим братом Робером лбами, как до этого сталкивала отца и моего старшего брата Гуго, герцог Нормандии помог мне разбить армию врагов и уничтожить Эда де Блуа, примкнувшего к ним. Робер был уникальный человек, твердой рукой управлявший самым из диких французских герцогств. Но он скончался 12 лет назад, и ему наследовал его незаконнорожденный сын Вильгельм. Слишком юный, чтобы править самостоятельно, сын его многолетней любовницы Герлевы, иными словами бастард. Естественно такой расклад не понравился племяннику покойного герцога Ги, сыну графа Бургундского, и он начал войну против Вильгельма. Бедному мальчику и так приходилось несладко: в семь лет стать герцогом самого мятежного и кровожадного герцогства Франции и выжить при этом – уже героизм. Его вассалы и бароны постоянно бунтовали против него, тем более подстрекаемые Ги, его кузеном. Испытывая чувство долга перед сыном Робера Дьявола, я оказал ему помощь в его борьбе, и он утвердился в Нормандии. Но с каждым годом этот паршивый Бастард доставляет все больше и больше забот. Мне доносят о бесконечных интригах, которые он плетет, усиливая свое влияние все больше и наращивая свою военную и политическую мощь. А теперь, он отправил посланника в Амьен… В союзе с графом Раулем Мантским они будут обладать сокрушительной мощью, тем более, если к ним примкнет снова граф Блуа.

– Бастард ли за этим стоит, или же это старый Амьен опять мутит воду, ничего хорошего это не обещает. – задумчиво протянул Бодуэн. Очевидно он был самым спокойным и взвешенным из всех троих.

Анна почувствовала дурноту. Долгое путешествие изнурило ее, события последнего дня и вовсе обессилили ее. А тут с головой сразу приходится окунуться в новую и чужую пока для нее политику. Столько новых и незнакомых,

ни о чем не говорящих ей, имен, титулов, названий и событий кружило голову. Голова раскалывалась, а глаза закрывались сами по себе, испытывая острую необходимость в сне. Но как было возможно удалиться с этого ужина в узком кругу, чтобы не возникло обиды у его участников и не пропало желание приглашать ее впредь сюда, Анна не знала. Мужчины углубились в обсуждения ситуации, рассуждая о расстановках сил на Севере, и перестали обращать внимание на княжну. На помощь, внезапно, пришла верная Милонега. Она специально выронила из рук бронзовый кувшин с вином. Грохот был оглушительный, он эхом прокатился по комнате и затих вместе с разговорами мужчин. Они уставились на русинку не понимающе, но очень скоро взгляд короля сменился на гневный:

– Ты что себе позволяешь?! На конюшню захотела?

Милонега побелела, но не отступила назад

– Ваше Величество, – Анна поняла замысел подруги и пришла ей на выручку. – прошу простить мою служанку. Мы проделали такой длинный путь, да и переживания последнего дня – слишком большое испытание для юной девушки. Я и сама валюсь с ног от усталости, что уж говорить о Милонеге?

– Конечно, княжна. – неожиданно осекся король. Его гнев сменился неумелым смущением. – Вы безусловно устали с дороги, а мы надоедаем вам нашими мужскими разговорами.

– Вовсе нет, Ваше Величество . – улыбнулась Анна, но постаралась продемонстрировать усталость в глазах. – Мне очень интересно, и я бесконечно благодарна вам за ваше приглашение.

– Однако час уже поздний. – непреклонно ответил король. – Ступайте к себе, завтра наши каноники обсудят с вашими посланцами детали брачного договора. А пока отдыхайте. Доброй вам ночи.

– Вы так внимательны, Ваше Величество, что я не могу отказаться от вашей заботы. – она встала, стараясь сделать это с показной неохотой. – Доброй ночи, Ваше Величество. Господа. – Анна кивнула королевским любимцам. Те ответили ей почтительным поклоном головы. Но прежде, чем княжна повернулась к ним спиной, она столкнулась взглядом с графом Валуа. Он снова буквально обжег ее

своими горящими зелеными глазами. На его породистом лице не было больше самодовольной улыбки, он сейчас был похож скорее на хищного волка в своей гриве курчавых волос и полыхающими глазами, который учуял запах добычи. Ее щеки снова залил румянец, а в мыслях наступил хаос. Пока это не стало заметно, Анна резко повернулась, качнув толстой косой, и удалилась в сопровождении, опустившей «виновато» глаза Милонегой

Глава 2

Восходящее утреннее солнце золотило шпили и крышу замка То – бывшей излюбленной резиденцией правителей из династии Каролингов. Впервые за много дней, мрачные низкие тучи рассеялись, и тепло и свет весеннего светила щедро одаривали изголодавшуюся за долгую зиму землю. Рауль любил солнце, такое редкое для его страны. Любил его теплые ласкающие лучи, любил и полуденную жару летних дней, которое оно приносило. Его жесткое сердце бывалого воина оживало, когда дневное светило озаряло своим светом все вокруг. Когда-то, в детстве, его дядя Фульк, епископ Амьена, рассказывал им с братом о том, что в далеком прошлом их предки-язычники поклонялись солнцу как божеству. Отмечали солнечные праздники, приносили жертвы и строили капища в его славу. Если это было правда, то Рауль понимал их: солнечный свет и тепло, золотящее лицо и прохладный весенний ветерок вселяли в него куда больше сил и энергии, а тело и душа чувствовали себя более очищенными и легкими, чем после многочасовой мессы в мрачных христианских храмах, где нудные священники долго и заунывно призвали к смирению и покаянию, пугая паству рассказами о геенне огненной, куда все непременно попадут.

И этим утром граф пользовался моментом, стоя возле открытого окна своих покоев в замке, сложив руки на груди и подставив лицо солнечному утреннему теплу. Он с наслаждением вдыхал сырой запах оттаявшей земли, прохладный ветерок, доносившийся из окрестных полей, а слух ласкал пение жаворонка.

В этом году зима была необычно холодной и суровой. В деревни пришел голод, и крестьяне из-за обрушившегося мора, совсем пали духом. Но вчера люди начинали обрабатывать поля, ковыряя измученную землю. Песня полевого жаворонка возвещала начало весны. Но сейчас, ему почему-то казалось, что

птица знаменует начало какой-то новой эпохи в стране, словно все вокруг пробуждалось ото сна и впереди ждало только светлое будущее.

Несмотря на апрельскую прохладу и открытое окно, граф стоял в короткой льняной рубашке с распущенной шнуровкой у горла, густые каштановые кудрявые волосы ниже плеч были собраны на затылке в хвост, оставляя шею голой, обтягивающие, но не стесняющие движений, штаны были заправлены в высокие до колен сапоги для верховой езды. Он смотрел в окно с, казалось, совершенно отрешенным взглядом, погруженный в собственные мысли, но на самом деле внимательно слушал сидящую посередине комнаты даму. Она, опустив глаза и теребя платок, запинаясь, рассказывала, стоявшему к ней спиной графу и исподволь за ним наблюдала со смесью тоски и грусти в глазах:

– После ужина княжна вернулась в крайнем возбуждении. Отпустила всех дам ночевать, осталась только Милонега и я. Долго стояла на коленях перед Святым распятьем, молилась на своем языке. Но епископ Готье сказал, что она прочитала все положенные молитвы. Потом удалилась почивать. Утром проснулась в дурном расположении духа, еще до утренней молитвы велела собрать постельное белье и одеяла с подушками и выставить их на дворе просушить и проветрить, все окна приказала открыть нараспашку. Только после этого прочитала опять-таки на своем варварском языке молитвы, переоделась, переплела прическу, отказавшись прятать волосы под чепец как положено. Спрашивала у меня как называется кафедральный собор Реймса. Только после этого приказала принести завтрак. – женщина сделала паузу и робко посмотрела на Рауля. Тот не двигался, продолжая смотреть в окно, вид из которого открывался на Башню, куда поселили киевскую княжну. Казалось, он не слышал рассказа, погруженный в одному ему известные мысли. Но она знала, что это не так. Он внимал каждому ее слову, запоминая и обдумывая. Такой это был человек. Умение бороться и побеждать было у него в крови, огонь Карла Великого горел у него в сердце ярче, чем у всех остальных потомков вместе взятых. Даже его гордая посадка головы, прямая спина и широко расставленные ноги в этой позе выдавали в нем воина и победителя. А он с детства был таким, как она помнила.

– Все? – внезапно спросил он, не поворачивая головы. Женщина вздрогнула, внезапно осознав, что слишком долго молчит и откровенно любуется графом де Валуа, а в груди тлеют, казалось, давно погасшие за столько лет угли чувств.

– Все. – кивнула она. Он сделал глубокий вдох, прикрыв глаза. На его каменном лице не отобразилось никаких эмоций. Не спеша он подошел к женщине, с надеждой и щемящей тоской в глазах смотревшую на него. Полминуты он прищурившись смотрел на нее сверху вниз и внезапно стальная рука крепко сжала ее горло под подбородком. Полные ужаса глаза уставились на него.

– Все ли ты мне рассказываешь, мышка? – прошипел он, зеленые глаза, не скрывая гнева, метали искры.

– Клянусь тебе, Рауль, я рассказала все! Отпусти, мне больно! – жалобно прошептала она.

– В таком случае, Беатрис, – он перехватил хватку, взял ее подбородок указательным и большим пальцем, – что за чушь ты мне тут несешь? Я тебя зачем приставил к ней? Чтобы ты была моими ушами и глазами при ее дворе. Мне нужно знать, что она делает, что говорит, о чем рассказывает, с кем встречается! – он разжал пальцы, и напряженная до предела женщина едва не плакала от ужаса и боли. А он снова вернулся к окну, но в этот раз не поворачивался к собеседнице спиной, продолжал ее сверлить взглядом. – Куда ходит, какие планы строит! Вместо этого ты мне тут плетешь какую-то околесицу!

– Ну так ведь прошел ведь всего один день… – попыталась оправдаться Беатрис, поглаживая белую шею в том месте, где минуту назад так опасно сжимали как тиски пальцы Рауля ее горло. – Да и потом, она в основном говорит на славянском языке… его знает только епископ Готье. А беседует исключительно только с этой своей служанкой Милонегой, та даже ночевала в ее покоях. Они просто неразлучны, всегда вместе. Кажется, что эта девчонка боится свою госпожу оставить хоть на минуту. Хотя порой мне непонятно, служанка она или нет, они, скорее, как подруги.

– Милонега, говоришь? – улыбаясь и поглаживая подбородок, задумался Рауль. – В этом что-то есть. Может ты и права. – судя по его улыбке, Беатрис поняла, что он уже что-то придумал, как всегда хитрое и тонкое. – Ну что ж, и от тебя все таки есть польза. – он развернулся к ней спиной, взял с кровати кожаный на шерстяной подкладке колет и пока его надевал спросил, – А сейчас, она что делает?

– Пока Герберга и остальные возятся с постельным бельем, она приказала приготовить двух лошадей из конюшни, которые прибыли с ней вчера, и достать наряд ее наряд для верховой езды.

– Что? – резко повернулся граф, его хвост из густых волос мотнулся назад, а ястребиный взгляд вперился в сжавшуюся в комок Беатрис. – Она собралась на прогулку, и ты молчишь, мышка?! Куда?

– Я не думала, что это так важно. – прожала она плечами. – Раз она спросила название собора Реймса, я думаю, что она направляется туда.

– Дьявол! – ругнулся граф, спешно поправляя колет и уже на ходу застегивая широкий пояс на бедрах, к которому крепились ножны с мечом. Он бросился к двери, но бросил взгляд на Беатрис и подошел к ней сзади. Она боялась шелохнутся, ощущая за спиной его присутствие. Он неожиданно нежно положил ей руку на плечо и сказал. – В следующий раз, я жду хорошего и полного доклада, а не эту церковную ахинею.

– Рауль…– от его касания Беатрис немного расслабилась и даже с надеждой улыбнулась. Но внезапно он сжал ее плечо так сильно, что она вскрикнула от боли.

– И еще,– уже угрожающе произнес он, – запомни раз и навсегда: я для тебя граф Валуа. А ты – баронесса де Сен-Меран. Рауль и Беатрис остались в далеком прошлом, в детстве, на лужайках Вексена и Крепи. Запомни это хорошенько, и никогда не забывай. – он отпустил ее плечо и она размякла в кресле, тело трясла крупная дрожь, а по щекам катились крупные слезы. Рауль подошел снова к двери и уже не оборачивая головы бросил ей: – Выйдешь из покоев спустя какое-то время после меня, не надо, чтобы нас видели вместе.

Когда дверь за ним захлопнулась, Беатрис уже не стесняясь, дала волю горьким слезам, разрыдавшись в голос. А Рауль уже спешил к покоям княжны, едва не срываясь на бег, опасаясь что из-за глупости подруги детства опоздал и русинка уже покинула замок. Но его ожидала удача, открывшая дверь в покои Гизела сказала, что госпожа может его принять.

Анна стояла перед зеркалом, Милонега помогала одевать ей меховую душегрейку, богато расшитую золотой нитью, поверх теплого широкого

сарафана.

– Здравствуйте, граф! – отражением в зеркале – до блеска отполированном куске бронзы во весь рост улыбнулась она. – Утро замечательное, не правда ли? Мы так истосковались все по солнцу!

– Вы правы, Ваше высочество. – улыбнулся Рауль в ответ. – Утро просто прекрасное. Давно такой прекрасной погоды не было.

– Чем обязаны, граф вашему визиту? – спросила Анна. Она застегнула душегрейку, все так же не оборачиваясь, общаясь отражением. Так она ощущала себя спокойнее, разговаривая с ним. Как только Гизела доложила, что пришел граф де Валуа, ее сердце почему-то подпрыгнуло к горлу, а щеки заалели. Она разозлилась на себя за такую реакцию, а Милонега добавила:

– Да что с вами такое, княжна? – удивленно спросила она , глядя как Анна трясущимися руками пытается надеть душегрею. – Что так вас взволновало?

– Ничего. – отрезала Анна, приказывая сердцу успокоится. Но когда Рауль вошел, цвет лица еще не успел приобрети нормальный оттенок, и поэтому княжна надеялась, что в бронзовом отражении мужчина ничего не заметит.

– Решил пожелать вам доброго утра, княжна. А также, предложить свои услуги, если вам что-нибудь потребуется. – лукаво улыбнулся граф, а его зеленые глаза снова засверкали игривыми искорками.

– Благодарю вас, это очень любезно с вашей стороны. Но пока у нас все есть. – как можно более беспечным тоном ответила Анна и повернулась наконец к нему лицом. Рауль, все так же загадочно улыбаясь, одобрительно окинул ее взором, от которого Анна снова раскраснелась, а сердце, казалось, выскочит из груди.

– Вы прекрасно сегодня выглядите, княжна. Однако, я вижу, что не вовремя? – он наклонил голову вбок, хвост из волос качнулся на плечо. От этого движения оголилась шея и при свете солнца ей стал виден старый рванный шрам. Он шел по правому виску, спускался на скулу и терялся в волосах около уха. Анна внезапно почувствовала непреодолимое желание погладить этот шрам пальчиками, но тут же себя одернула : «Да что же это такое? Возьми себя в руки!». Разозлившись на саму себя, она словно скинула с себя наваждение и уже

твердо, без тени смущения ответила с не менее обворожительной улыбкой:

– Да, граф. – она взяла со стола перчатки. – Мы с Милонегой решили совершить верховую прогулку в Реймс, посетить Храм и осмотреть город.

– Ваше высочество? – осекся граф. На губах застыла улыбка, а в глазах отобразилось удивление. – Вы, собираетесь совершить верховую прогулку?

– За время путешествия, я больше ехала в карете, поэтому верховая прогулка как раз то, что мне надо, чтобы вернуться в форму. – пожала плечами она. – В Киеве мы каждый день с Милонегой отправлялись верхом. Сопровождали моих братьев на охоту, ездили в Вышгород, посещали присягу новых дружинников на бывшее Перуново капище.

– Княжна, – нахмурил брови Рауль.– Это ведь опасно. Вы собираетесь ехать только в сопровождении служанки? А вдруг конь понесет, что вы будете делать?

– Не беспокойтесь, граф, мы умелые наездницы. К обеду, я надеюсь, мы вернемся.

Рауль задумался о чем-то, поглаживая подбородок пальцами. Из-за смеси собственных чувств и мыслей ему внезапно оказалось сложно четко продумать свой план действий. Эта русинка была слишком не похожа на женщин, которых он знал раньше и от того его потребность в действиях была особенно острой.

– А король в курсе ваших планов? – вдруг спросил он и Анна осеклась.

– Нет. – осенило ее. Она вдруг поняла, что в Киеве пользовалась слишком большой свободой. Видимо, неслыханной для французских девиц. Раньше, ей практически никогда не приходилось ставить в известность отца о своих планах съездить в Вышгород или посетить Храм. Все как-то выходило легко и просто, как само собой разумеющееся. Но здесь она – гостья. И более того – королевская невеста. От мнения Генриха зависела вся ее жизнь, и значит надо делать все, чтобы ее будущий супруг был ею доволен. По своему отцу княжна знала, что мужчины в этом возрасте удивительно чувствительны к поступкам и словам близких. Но у Ярослава была большая семья: жена, четверо дочерей, шестеро сыновей, и не стоит забывать о воспитанниках, ставших практически членами семьи. Генрих же, как она уже была наслышана, был всегда очень одинок, даже

собственная мать плела против него интриги. Для отца, он был сыном от ненавистной жены, ради которой ему пришлось расстаться с любимой женщиной. Старший брат погиб в 17 лет, младший Роберт поднял восстание против него, остался только Эд. Этот человек никогда не знал, что такое настоящая семья, Анне предстояло дать ее ему. А значит пусть даже в такой мелочи для нее, как эта, стоит продемонстрировать ему свое уважение.

– Вы правы, граф. – улыбнулась она. – Вы случайно не знаете, где сейчас Его Величество? Мне необходимо переговорить с ним.

– Я с радостью провожу вас, княжна. – лучезарно заулыбался граф, лукаво сверкнув глазами, и протянул руку в приглашающем жесте к двери. Анна кивнула Милонеге, та взяла свою пару перчаток, шапочку княжны и поспешила за хозяйкой

Генрих сидел за столом в той же комнатке, в которой вчера проходил ужин, как всегда задумчивый и мрачный. Но в этот раз стол был завален свитками, а в креслах сидели епископ Роже, его служка и посланец Ярослава мытник Ждан, который прибыл вместе с Анной. Великий князь, уступив уговорам французских послов, когда понял, что задуманный им самим брак между Анной и Генрихом императором Священной Римской Империи не состоится, дал за дочерью богатое приданное. Выдавая любую из четверых красавиц-княжон замуж, из Киева за новобрачными отправлялся богатый караван из повозок, везущих дорогие ткани, меха, серебряную и золотую посуду, и, разумеется, золото и драгоценные камни. В Норвегию с Елизаветой на ладьях ушло вдобавок дорогое оружие киевских мастеров и кольчуги. Гаральд был знатоком мечей, кинжалов и булав, и считал, что лучшие из них выходят из русских кузниц. Андрей, а в семье Анны его называли венгерским именем Андраш, увез с собой вместе с Анастасией сундуки, наполненные восточными пряностями и ароматными благовониями, которые в таком изобилии привозили в Киев византийские купцы. Анна же везла с собой приданное не меньшее по богатству, а вдобавок Ярослав отправил с дочерью самое драгоценное, что было в его теремах: часть библиотеки, которую он тщательно собирал много лет. Купцы везли ему книги из Византии, из Рима, Персии и Болгарии. За большие деньги князь скупал их, все читал сам, и старательно прививал страсть к этому своим детям. Благодаря этому все члены княжьей семьи умели читать и писать по-гречески и по-латыни, были знакомы с трудами древних философов, историков и ученых.

Следить за добром, отправленным в землю западных франков, князь отрядил ученого мужа Ждана, человека прижимистого и бережливого. Он вместе с бывшим помощником ключника княжьего терема Несмеяном всю дорогу вели учет средствам, отряженных князем на поездку. Но при выезде из Ахена второй спутник подхватил неизвестную хворь, от которой не спасли даже снадобья княжны. После трех дней страданий он покинул бренный мир и Ждан остался один блюсти брачный договор, который Анна должна была подписать вместе Генрихом. И княжна их застала как раз за обсуждением каждого пункта этого соглашения. Генрих угрюмо смотрел на епископа и русича, не перебивая и не задавая вопросов. Но увидев Анну в сопровождении Милонеги, он заметно оживился и даже сделал попытку улыбнуться.

– Ваше величество. – поздоровалась Анна.

– Княжна. – кивнул он. – Надеюсь, вы хорошо отдохнули? Ваши покои вам понравились?

– Благодарю вас, они замечательные. – обворожительно улыбнулась девушка. – А как отдыхали вы? У вас усталый вид.

– Усталый? – растерялся Генрих. Очевидно, даже такая элементарная забота и внимание были непривычны этому мрачному человеку, похожему на старого медведя, и Анне стало его несказанно жаль. – Разболелась моя старая боевая рана в последнее время. Так всегда бывает при перемене погоды. Но в эту ночь она особенно дала о себе знать.

– Болит ваше плечо? – спросила Анна, и предвосхищая его удивление пояснила: – Вчера я видела за ужином, как вы держались за него.

– Да. – вмиг посерьезнел король. – Это подарок моего старого врага – графа Эда. Оставленный мне больше 10 лет назад на полях Блуа.

– Если ваше величество дозволит, я осмотрю вашу рану и, возможно, в моих запасах лекарственных трав найдется что-нибудь, что сможет облегчить ваши страдания, когда мои вещи до конца разберут.

– Вы владеете искусством лекаря? – удивился до той минуты молчавший Рауль. Король вздрогнул, он только сейчас обратил внимание на старого друга. На его

лице мелькнуло чувство похожее на смесь беспокойства и даже какой-то легкой ревности. – Это похвально.

– Мой отец, Великий князь Киевский смолоду слаб здоровьем, – пояснила Анна. – С рождения у него проблемы с ногами, его мучают сильные боли. А с годами болезни увеличились, добавились боевые раны. Поэтому при дворе, сколько я себя помню, были лекари: византийцы, персы и новгородские знахари-травники. Ну и, разумеется, под их руководством нас с сестрами обучали искусству врачевания.

– Сомневаюсь, что вы поможете, княжна. – пробурчал Генрих, – Но от чего не попробовать. Однако, вы о чем-то хотели переговорить со мной, раз поднялись так рано и пришли сюда, когда мы занимаемся такими нудными делами?

– Я хотела попросить у вас дозволения совершить верховую прогулку в Реймс: посетить Собор и осмотреть город. Я во Франции совсем недавно и мне бы хотелось поближе познакомиться с ее жителями, осмотреть ее красоты и помолиться в благодарность за удачное завершение моего путешествия.

– Вы хотите осмотреть Францию? – вскинул брови Генрих. – Зачем? Разве вы не достаточно видели во время путешествия?

– Я видела то, что мне показывал епископ Роже. Мне же хотелось осмотреть самой этот древний город и познакомиться с местными жителям. Раз мне предстоит стать их королевой, я хочу, чтобы они знали меня и не боялись иноземной принцессы.

– Вы собираетесь ехать верхом одна?

– Если только Ваше величество не составит мне компанию. – обворожительно улыбнулась Анна, зная ответ.

– К сожалению, княжна, я не могу сегодня покинуть замок. Слишком много дел требуют моего внимания. А ваша поездка слишком опасна, чтобы отправится в одиночку, несмотря на то, что мне по душе ваша идея. Вам лучше остаться в замке и готовиться к венчанию и коронации.

– Ваше величество, – Анна заметно расстроилась, – мне очень хотелось совершить верховую прогулку в Реймс, о котором я столько слышала еще в Киеве. Уверяю вас, со мной ничего не случится, разрешите эту поездку. Я могу взять с собой своих дружинников, которые прибыли со мной из Киева, если вас это успокоит.

– Ваше Величество, – к королю неожиданно подошел Рауль и Генрих напряженно посмотрел на него. Было видно, что он не хочет расстраивать свою невесту, но отпускать ее одну тоже не собирается. – Я могу сопроводить княжну в Собор. Отряд иноземных войск может возмутить народ и напугать. А моих людей и меня знают.

Сердце Анны упало вниз. Она испугалась: одно дело совершить поездку с женихом и совсем другое – остаться практически наедине с этим насмешливым и дерзким приближенным короля, который одним своим взглядом вгоняет ее в краску смущения. Но король тяжело поднял глаза на Рауля, долго буравил его взглядом, и Анна уже обрадовалась, что он не оставит свою невесту с ним. Но она ошибалась.

– Если вы так хотите, княжна, посетить Собор Святого креста, я не вижу причин вам отказать. Это похвальное рвение для добропорядочной христианской принцессы посещать храмы, раздавать милостыню и нести обет благочестия. Поезжайте. – Анна было обрадовано заулыбалась и повернулась к выходу, когда король продолжил. – Однако, вас сопроводит ваша служанка Милонега, возьмите с собой троих дружинников из Киева, а граф де Валуа вас будет сопровождать – негоже, чтобы будущая королева Франции показывалась подданным как простолюдинка в одиночестве, ваш эскорт составит виднейший вассал короля. Тут настала очередь улыбаться Раулю своей победоносной хитрой улыбкой, от которой сердце Анна затрепыхалось сильнее, а щеки залил густой румянец. Рауль церемонно прижал ладонь к сердцу и поклонившись Генриху заявил:

– Как прикажет Ваше Величество. Благодарю за доверие, будьте спокойны, княжна будет в полной безопасности под моей защитой.

Анне ничего не оставалось делать, как кивнуть в знак согласия с волей короля и как можно скорее покинуть покои, пока ее нервное возбуждение не стало очевидным всем присутствующим.

Княжна нервно теребила перчатки, стоя у стрельчатого окна открытой галереи дворца и поправляла выбившиеся волосы из-под круглой шапочки, опушенной бобровым мехом. Верная Милонега стояла за ее спиной и вместе с госпожой следила, как в конюшне седлают их лошадей, которые специально вместе с ними прибыли из Киева. Анна тяжело дышала, стараясь унять дрожь в руках и восстановить бешенный ритм сердца.

– Почему ты так нервничаешь? – в открытой галерее не было ни души и девушки могли не стесняясь говорить в привычной для себя манере, хоть и используя в речи исключительно славянский. Милонега не отрывала взгляд от конюшен, сжимая в руках кошель с монетами княжны, стоя очень близко к госпоже, почти касаясь ее плаща. Ее лицо было серьезно и сосредоточено, краем глаза она видела, как седлаются трое их дружинников во главе со Святополком. – Ты же сама говорила, как эта поездка важна, мы ее спланировали заранее.

– Не знаю. – так же тихо, не поворачивая головы тихо ответила Анна. Со стороны можно было подумать, что никакого диалога и вовсе не ведется: просто госпожа смотрит на лошадей, а верная служанка покорно ждет распоряжений. – Я действительно хочу посетить Собор, посмотреть Реймс, познакомиться с жителями. Но…– она замолчала, не зная как озвучить свои мысли. За нее это сделала Милонега:

– Дело в графе де Валуа? – спросила она, Анна молчала, но та поняла, что права. – Думаешь, он опасен? Мне казалось, он друг короля, и Генрих ему доверяет. Иначе бы не отпустил с ним.

– Может быть ты и права. Но перед аудиенцией у короля, Готье посоветовал мне опасаться графа Рауля. Сказал, что никто никогда не знает, какую игру он ведет.

– Значит будем осторожны с ним. – кивнула Милонега и под плащом сжала ладонь княжны. – Не бойся, я с тобой. Старик Столпосвят едет с нами. Он не посмеет ничего плохого сделать.

– Дело не в том, что он может сделать что-то плохое… Он, – она запнулась и опустила глаза, порозовев, – он как-то так смотрит на меня, что я теряюсь.

– Это да, смотрит он на тебя действительно выразительно. – ухмыльнулась Милонега. – Возможно, он специально старается тебя смутить? Или скомпрометировать? Я слышала в замковых кухнях, что граф известный сердцеед. Нет ни одной девицы в Иль-де-Франс и… других ближайших провинциях, которая бы в тайне не вздыхала по нему. А ты яркая и красивая девушка. Естественно, что он тобой заинтересовался.

– В таком случае, его ждет разочарование. – гордо выпрямила спину и вскинула подбородок княжна. – Я урожденная Великая княжна Киевская, Анна Ярославна! Мой Дом – самый родовитый в Европе! Женщины в моем роду всегда блюли свою честь и достоинство, помня о родовой гордости! Я-невеста короля Франции, через несколько дней стану его законной супругой.

– Ну, так чего ты боишься? Я уверена, он не покусится на твою честь и репутацию. Иначе, как я уже сказала, король не отпустил бы тебя с ним.

– Ты права. – улыбнулась облегченно Анна своей подруге, натянула перчатки и вышла из галереи и тут же столкнулась нос к носу к готовыми к верховой прогулке Гизелой и Гербергой.

– Принцесса, – обе поклонились и растеряно пояснили. – Граф де Валуа велел нам сопровождать вас в поездке в Собор.

Милонега фыркнула и подмигнула Анне, как бы говоря: «Я же говорила – бояться нечего!», у Анны отлегло от сердца и она уже смело пошла к оседланной лошади. Княжна погладила свою любимую гнедую лошадку Ветрицу. Та тоже обрадовалась, увидев хозяйку и довольно фырчала и тыкалась изящной тонкой мордочкой ей в локоть.

– Красивая у вас лошадь. – услышала она знакомый, слегка насмешливый голос за спиной. Она обернулась, лучезарно улыбаясь подошедшему графу Раулю.

– Спасибо. – она погладила морду Ветрицы. – Ее подарил мне накануне отъезда брат Изяслав. Когда-то он и учил меня верховой езде и охоте.

– Помочь вам сесть в седло? – он протянул руку, предлагая свою помощь. – Или позвать вашего пажа?

– Зачем? – вскинула бровки Анна. И отвечая на его немой вопрос, она слегка подобрала длинный подол, вставила элегантно-красивую ножку в сафьяновом сапожке в стремя и легко, словно пушинка взлетела в седло. Сегодня на ней красовался теплый широкий алый сарафан, не сковывающий движения, сшитый специально для верховых прогулок великих княжон. Сделанный из плотного и теплого материала, он, благодаря широкой юбке, позволял девушкам свободно сидеть в седле по-мужски, и наравне с братьями участвовать в княжеских охотах. В то же время он прикрывал от нескромных глаз стройные ножки, оберегая девичью честь. Анна поправила косы, перекинув их на грудь, одной рукой крепко сжимая поводья Ветрицы. Милонега быстро умелым движением расправила плащ княжны на крупе лошади и сама так же легко взлетела в седло своей лошадки. Граф на несколько секунд застыл в изумлении от такого жеста русинок. Чуть поодаль придворные девушки еле-еле вскарабкались в дамские седла приведенных им пажами смирных лошадок. Очевидно, верховая езда не была в обычае для девиц Франции. Анна посмотрела на них и повернулась к Раулю, взиравшему на княжну с изумлением, граничащим с восхищением. Это Анне понравилось, и она твердой рукой заставила повернуться Ветрицу к выходу со двора, и жизнерадостно улыбаясь игриво бросила:

– Поторапливайтесь, граф, мы ждем только вас!

Рауль игриво ухмыльнулся, легко вскочил в седло своего серого жеребца и помчался вслед за удаляющейся княжной в компании своей неизменной наперсницы.

Анна ожидала, что кафедральный собор Реймса располагался далеко от их замка, но ее ждало разочарование: через пять минут граф натянул поводья своего жеребца и спустился на землю, предлагаю руку Анне.

– Прошу, княжна, позвольте вам помочь. – обворожительно улыбался он, стараясь поймать ее взгляд. Но Анна гордо вскинула носик и легко соскользнула сама. Подоспевшая Милонега пояснила графу и его спутникам:

– Княжны не подобает касаться ни одному мужчине за исключением ее отца, братьев или мужа. За прикосновение к дочери Великого князя грозит смертная князь. .

– Разве во Франции не берегут честь благородных девиц? – удивилась Анна. – Тем более особ королевской крови?

– Разумеется берегут, княжна. – кивнул Рауль. Ему все же удалось поймать ее взгляд, но Анна не отвела глаз, не покраснела, а продолжала, как ни в чем не бывало, безмятежно улыбаться ему. Улыбка же самого графа немного померкла, и он сменил тему, показывая рукой: – Прошу, перед вами Собор Реймской Богоматери.

Анна с Милонегой изумленно застыли, глядя на небольшое строение из грубо обтесанных камней с маленькими и очень узкими оконцами, массивным коньком и слегка покосившемся кресте на крыше. В памяти русинок были живы воспоминания о Храме Святой Софии, построенным зодчими Византии в Киеве, по приказу князя Ярослава. Помнили они белоснежные стены храма Софии в Новгороде, возведенные братом Владимиром. Их белоснежные стены величественно вздымались в голубое небо и с земли казалось, что позолоченные купола сверкают среди облаков. Казалось, что это миниатюрная копия Града Божьего, о котором так любят рассказывать священники – смесь светлого, как снега, кирпича и золотой отделки производило впечатление чего-то сказочного и волшебного. Нечто подобное, русинки ожидали увидеть и здесь: в их понимании Храм с настолько богатой историей и огромным значением просто не мог быть чем-то меньшим. Но перед ними предстала небольшая полукруглая с одной стороны часовня с мрачными витражами и скупо прорезанными окошками.

– Это и есть знаменитая церковь, где крестился король Хлодвиг? – изумленная и разочарованная Анна повернулась к сопровождавшим их французам. Герберга и Гизела так же неграциозно покидали свои жутко неудобные дамские седла, а когда встали на твердый булыжник благоговейно перекрестились на полуржавый крест собора.

– Ваше высочество? – не поняла вопроса Рауль.

– Насколько я знаю, – Анна нахмурила бровки, – король франков из династии Меровингов в V веке принял первым крещение в Реймском Соборе вместе с 3000 своих воинов.

– Да? – удивленно посмотрел на церковь Рауль. – Может быть, я не знаю. Впрочем, мой дядя Фульк что-то такое рассказывал мне с братом, когда привез

нас на коронацию принца Генриха. По крайней мере он говорил о каком-то Хлодвиге и сосуде с миром. Но мне было тогда около 7 лет, и меня куда больше с братом волновал конь принца, чем рассказы о древних королях.

Анна тем не менее перекрестилась на Храм, и направилась внутрь. В самом же соборе царил ожидаемый гнетущий полумрак, пахло ладаном и мирой. Тихо распевались на хорах немногочисленные певчие. В затемненных нефах стояли статуи святых, покрашенных голубой и розовой краской, успевшей облупится. У алтаря высился большой деревянный крест с распятым Спасителем, демонстрирующего нечеловеческие страдания, понесенные за род людской. Сновали служки и послушники из монастыря святого Ремигния, подготавливая храм к большим предстоящим празднествам. Они мыли полы, чтобы потом посыпать их свежей соломой; натирали до блеска золотые и серебряные священные сосуды и светильники. Анна и ее окружение остановились посередине храма, а к ним на всех парах уже спешил архиепископ: похожий на шарик из-за необъятного живота и блестящей лысины, свободная сутана развивалась на его тучном теле, длинная окладистая борода свисала на грудь, закрывая массивный золотой крест.

– Ваше высочество! Мы так рады видеть вас в нашем Святом Храме! – радостно возвестил он. Священник постарался поклониться, но помешал живот, от чего получилось, что епископ совершил мало понятный жест. Милонега за спиной княжны тихо прыснула от смеха в кулачок, Анна строго покосилась на нее, но увидела, что граф Рауль тоже не сдерживает ехидной улыбки, и снова перевела взгляд на священника.

– Ги, – неожиданно заговорил Рауль, и его насмешливый тон поразил Анну до глубины души – годы идут, а ты все так же жиреешь? Не пробовал унять аппетиты?

– Так пост же недавно закончился, граф! – добродушно заулыбался епископ, поглаживая себя по объемному животу. – Когда питаешься одним ветром, перестаешь удивляться, что тебя так раздувает.

– Хорошо, что ты не девица, а то им весенний ветер особенно опасен. – мужчины засмеялись, Анна переводила взгляд с одного на другого и ничего не понимала. Отсмеявшись, Рауль махнул рукой на священника и представил его. – Ваше высочество, позвольте представить вам архиепископа Реймса, в прошлом капеллана моего отца, Ги де Руси.

– Ваше преосвященство! – Анна, как принято в храмах в Киеве поклонилась по-византийски и поцеловала руку святого отца, тот заученным движением благословил девицу. – Я рада знакомству с вами, и безусловно, рада тому, что стою в столь знаковом месте. Ведь именно здесь принял крещение король Хлодвиг?

– Ваше высочество, – шепнул граф, – не касайтесь истории с этим прохвостом, иначе он заговорит вас до смерти.

– Рауль, ты никогда не был любознательным мальчиком! – погрозил пальцем священник, по-отечески ему улыбаясь. – Принцесса, Господь благословил нас столь умной и прекрасной королевой, как вы! Король Хлодвиг I действительно крестился здесь шесть веков назад. – сложив пухлые руки на круглом брюшке, он повел Анну вглубь храма, демонстрируя статуи святых, в том числе гробницу Ремигния. – К сожалению она сейчас пуста, епископ Гинкмар в 9 веке приказал перенести мощи в Эперне для их же сохранности. А ведь этот креститель внес неоценимый вклад в распространении истиной веры во Франции. Его подвиг настолько велик, что во время совершения таинства крещения короля Хлодвига с небес спустилась белоснежная голубка, которая несла в клюве фиал со священным миро.

– Из римского стекла. – буркнул Рауль, и тут уже Анна едва сдержала улыбку, стараясь сохранять вдохновенное лицо, а епископ продолжал заливаться соловьем.

– И так Франция обрела столь значимую реликвию: Священную стеклянницу! С тех пор все правители, совершают таинство миропомазания во время коронации. Только короли Франции достойны такой чести, как быть освещены небесным маслом.

– Ги. – снова встрял Рауль, нетерпеливо поглядывая на дверь Храма, пребывание здесь и выслушивание урока истории очевидно его нисколько не привлекало. – Скажи уже, наконец, что ждет княжну во время коронации, и мы поедем с Богом, и не будем мешать вам, в благочестии своем готовиться к праздникам.

– Ваше высочество, – еще больше расцвел в улыбке толстый священник, – я рад вам сообщить, что король Генрих добился у Святого нашего отца Папы разрешения, чтобы и вы тоже были коронованы в Реймсе в знак особенного

почтения к вам, и дабы осветить ваш союз перед небесами.

– Святой отец, моя коронация – один из обязательных пунктов договора, по которому мой отец согласился на этот брак. – отмахнулась Анна.

– Вы не поняли, ваше высочество – Вы будете помазаны Священным миром. Специально для этого Стеклянницу привезут из аббатства святого Ремигния. Ни одна королева не удостоилась ране до этого такой чести. По традиции если король уже женат на момент совершения коронации, его супругу коронуют сразу после Его величества. Если же королева вступает в брак после коронации, то ее коронуют…

– Если конечно коронуют. – снова вставил Рауль, и сладко зевнул.

– …в аббатстве Сен-Дени, так как для этого не требуется Священное миро.

– Почему же для меня сделано исключение? – вскинула бровки Анна, насмешливое настроение Рауля передалось и ей. – Если ни одна королева ране не удостаивалась такой чести?

– Папа Римский хочет выказать дань уважения Византийскому императору, чьей родственницей вы являетесь. Ведь императоры Константин и Роман отправил свою сестру в Киев, чтоб она стала супругой короля Руссов, вашего дедушки.

– Вот как? Мой отец будет польщен, что во Франции знают о нашем родстве с Императором. – усмехнулась Анна, переглянувшись со смеющейся Милонегой. – Когда состоится коронация?

– Король хочет освятить ваш союз как можно скорее. Поэтому сразу после венчания в этом Соборе я лично совершу над вами таинство коронации, принцесса. Празднество запланировано на светлый праздник Пятидесятницы, специально для этого из аббатства святого Ремигния доставят Стеклянницу. Вы преклоните колени перед алтарем, я совершу миропомазание, на голову вам водрузят корону. Ювелиры Реймса полгода старались, украшая ее драгоценными камнями, а на плечи вам накинут горностаевую мантию – символ царственности.

– Горностаевых мехов для мантии, отец прислал вдосталь. – тихо прошептала Анна по-славянски себе под нос, ее слышала только Милонега, старательно вместе с княжной приняв благоговейный вид. Рауль втихаря покинул храм, ссылаясь на необходимость проверить коней. Архиепископ же еще некоторое время водил Анну и ее спутников по храму, рассказывая подробности жизни святого Ремигния, его подвигов во славу Христа и вкладов в обогащение Реймса за счет богатых подарков короля Хлодвига, его святой супруги и прочих знатных вельмож, которые добровольно приняли крещение. Анна невольно вспомнила рассказы родителей, как ее дед Великий князь Владимир огнем и мечом крестил Киев, а Новгород до сих пор хранит память о потоках крови, которые Добрыня и Путята пролили на улицах города, обращая горожан в новую веру. И все ради того, чтобы император Византийский выполнил свою часть договора, который сам и предложил русам.

Когда Константинополь понял, что не справится с врагами в одиночку, он заключил договор с князем Владимиром, призвав его дружину. Когда Киев свою часть обещания выполнил и прогнал врагов империи от Царьграда, принцесса Анна – единственная награда, которую Владимир потребовал взамен – так и не прибыла на Русь. Тогда князь обратил русские мечи уже против самой Византии и захватил Херсонесс. Император Василий выставил новое условие, ссылаясь на то, что никогда прежде порфирородные принцессы не покидали Константинополь, заставил князя принять христианство всей русской земле, так как сам Владимир был крещен уже давно, о чем в Византии, безусловно, не знали. Плачем и стенаниями киевляне провожали своих родовых богов, сброшенных с холма и плывших по Днепру в угоду ненасытной Империи. А потом киевляне насильно, под бичом и кнутом как скот сгонялись к реке, чтобы принимать крещение, навсегда отрекаясь от веры пращуров. Отец рассказывал о жестокостях и беззакониях, которые творили посланцы великого князя в Ростове, где в то время мальчиком был послан править. Анна с детства слышала рассказы о том, как крестилась и Норвегия: исключительно мечом дяди Олафа, и как посланники Папы римского старательно, используя даннов[1 - Данны – предки современных датчан. По благословению Папы Римского разрушат святилище на острове Рюген в 12 веке.], подбирается с крестом и огнем к священному для славян – язычников острову Рюген. И в тоже время в церковных книгах монахами была представлена благостная картина добровольного принятия крещения народов, и как превозносятся правители-на которых снизошел свет истинной веры и они в прозрении своем обратили в христианство и свои народы. Да только Византия просчиталась насчет Руси: Владимир заплатил кровью своих людей за то, чтобы принять чужую веру. Однако под знаменем Христа все славянские племена объединились, ибо распри из-за богов

утихли сами собой, и люди стали по-настоящему единым народом. А Киев вышел на политическую арену победителем, обойдя все европейские державы тем, что правитель мощнейшей и богатейшей Византии теперь шурин князя Киевского, а значит Русь стоит в одном ряду с ней. Такой же цели добивался и Олаф, выслуживаясь перед Святым престолом, но просчитался и заслужил только признания церковью себя святым. Зная все эти истории, Анна не могла разделить восторг архиепископа реймского и про себя прочитала молитву за упокой души тех несчастных, которые пали жертвами в политической борьбе своего короля.

На княжну храм, который она так жаждала посетить, произвел гнетущее впечатление. Темно и сыро, словно находится в крипте среди могил. Скупые фрески со стен напоминали грешникам о Геенне огненной, маленькие окошки застилали цветные витражи, из-за чего в помещении становилось еще более грустно и страшно, а пустые глазницы тусклых старинных статуй навевали тоску и желание убежать как можно дальше. Анна дослушала речь архиепископа Ги до логической паузы, сделала дар, как ее наставляла мать, храму в виде дорогого кольца с изумрудом, привезенного из Византии Марией, получила еще одно благословение святого отца и поспешила наконец на улицу. Она надеялась, что прогулка по городу вернет ей благостное и радостное настроение, но она ошибалась. Реймс по сравнению с Киевом и Новгородом выглядел настоящей деревней. Петляя по узеньким извилистым грязным улочкам, местами вымощенными булыжником, зажимая нос от запаха обилия нечистот, которые горожане выливали прямо на улицу из окон, стараясь не наехать ненароком на чьих-то свиней или собак, девушка с грустью вспоминала улицы Киева с деревянными настилами для пешеходов, с канализационными трубами, устроенными мастеровыми из Византии. Часто им попадались маленькие часовенки или церквушки, еще более убогие в понимании Анны, чем Собор Богоматери. Княжна обязательно останавливалась, щедро раздавала милостыню нищим перед воротами часовенок, всем старалась искренне улыбаться и вскоре посмотреть на иноземную принцессу, будущую королеву, сбежался посмотреть весь город. Люди свешивались из окон домов, выглядывали из лавок торговцев, рассматривали красавицу княжну, ее диковинный наряд, восхищались ее щедростью, а взамен на ее жизнерадостные улыбки, горожане вскоре начали громогласно ее приветствовать, кидая в воздух шапки и распевая веселые песенки. Анна с трудом уже пробивалась со своим эскортом по улицам Реймса, стараясь все так же улыбаться горожанам и благословлять их. Рауль, понял, что очень скоро народу станет еще больше, и им просто не удастся проехать, а в толпе обеспечить безопасность будущей королевы, за которую он поручился королю просто невозможно. Поэтому он подался чуть вперед и замахнулся

хлыстом на зазевавшихся горожан, расчищая дорогу. Люди испугано отпрянули от его коня.

– Граф! – осадила его Анна. – Что вы делаете?

– Я расчищаю вам путь, княжна. В толпе могут быть убийцы.

– Я хочу, чтобы этот народ меня любил. – отрезала жестко Анна, и слышавшие ее горожане зашептались, – а вы делаете так, чтобы ненавидел. Я приехала сюда специально, чтобы люди меня видели. Пусть смотрят на свою будущую королеву, ведь мне предстоит стать матерью им, как король Генрих – отец своему народу. Если я не буду доверять им, то как смогу ожидать от них преданности?

Рауль гневно сверкнул глазами. Анна поняла, что еще никогда с ним не разговаривала в таком тоне женщина, тело прошил озноб страха, но отступать уже было поздно. Рауль напрягся, его желваки заходили ходуном, но он взял себя в руки:

– Как прикажете, моя принцесса.

Они проехали по всем улицам Реймса, почти не разговаривая. Люди постепенно стали покидать городские улицы, возвращаясь к своим делам, а настроение княжны наоборот падало. Бедность и грязь сквозили из всех щелей этих нищих домов, храмы отличались редкой уродливостью, зато княжна удивилась количеству французских святых, именами которых были названы все эти многочисленные часовенки. Мрачность улиц, покосившихся домов из грубо обтесанных домов внушали ей ужас и тоску. Доехав до набережной городской реки Вель, она остановилась, глядя вдаль. Ее спутники встали позади нее, не мешая княжне наслаждаться видом, и только Милонега подъехала к ней ближе. Они несколько минут стояли молча бок о бок и смотрели на серые воды Вель. Как никогда Анна ощутила одиночество и тоску. Внезапно пришло осознание, что Киев остался далеко на севере, и обратной дороги нет. Несмотря на то, что всю ее жизнь готовили к тому, что ей придется покинуть родных и стать женой иностранного правителя, чувство грусти и отчаяния захлестнули ее. Здесь все кругом было чужое, мрачное, холодное. Анну поражала и грязь на улицах, и уродство храмов, а ведь в сердце хранились привычные переливы колокольного звона Собора Святой Софии, помнила она теплую старую Десятинную церковь, сплошь отделанную внутри дорогим мрамором, с фамильным склепом

Рюриковичей внутри. Помнила и запах утреннего Киева: березовых прутьев, готовящихся превратиться в веники для бань, сладкого свежего дрожжевого хлеба, гладко обструганных дубовых бревен, из которых были построены почти все дома в городе. Здесь же все было по-другому, и эта мрачность пугала Анну и вызывала страстное желание убежать как можно дальше от этого грязного города. Даже на доли секунды мелькнула еретическая мысль бросить все, разорвать помолвку и вернуться в Киев, оставив эту бедную землю королю и его вассалам. Но вдруг перед ее глазами предстали горожане, которые смотрели на нее с робкой надеждой и откровенным восхищением, словно сама Матерь Божья спустилась к ним с Небес. В их глазах загорелась вера в то, что теперь всем невзгодам конец, потому что такой прекрасной и доброй королевы Франция еще не знала. Униженные и обездоленные люди, Анна не могла их разочаровать, а значит, должна для них стать тем лучом солнца, который согреет их и убережет как заботливая мать. В конце концов, ее учили всю жизнь, что суть бытия правящих особ – защищать слабых обездоленных, оберегать от врагов внутренних и внешних. Но полюбить свою новую Родину Анне никак не удавалось пока – слишком много его было чуждо и непонятно здесь.

– Это не Киев, княжна. – грустно резюмировала Милонега.

– Ты права. – глубоко вздохнула Анна, и тут же закашлялась, так как в нос ударил резкий запах конской мочи и свиного навоза. – Но надо привыкать, теперь наша Родина – Франция.

– Но как же нам тяжело будет здесь жить, Анна… – протянула Милонега. Она посмотрела на Анну и поняла, что подруга, как и она сама, готова расплакаться.

– Княжна, – внезапно к ним подъехал Рауль, лукаво улыбаясь . – Я вижу Реймс не произвел на вас должного впечатления? Тогда может вам стоит познакомиться с его другой стороной? Вся красота скрыта за городской стеной. – он махнул рукой по ту сторону Вель, где виднелись могущественные горы. – Например, в окрестностях раскинуты обширные виноградники. Местные селяне собирают ягоды и делают превосходный сок. Эта земля славился потрясающим вкусным…

– В Реймсе производят вино? – удивленно вскинула бровки Анна. – Я думала, что секрет его производства хранится исключительно в Византии и Италии.

– Вы можете убедиться в этом сами. – лучезарно улыбался Рауль. – Реймское вино поставляют даже к столу короля. В часе езды отсюда на одном из склонов горы есть небольшой виноградник, по пути туда вы сможете насладиться красотами Франции.

– Вот уж не думала, граф, – нахмурилась Анна, – что вы ценитель красоты природы.

– Вы многого обо мне не знаете. – взгляд его зеленных глаз зажегся снова дерзким огоньком, Анна почувствовала как снова краснеет. – Я с удовольствием покажу будущей королеве и ее свите хотя бы ближайший виноградник.

– Но как отреагирует на это король Генрих? – спросила Анна, еще сильнее нахмурив бровки. Признаться, ее душа и тело рвались за пределы этих давящих стен. Хотелось вдохнуть чистый деревенский воздух, проехаться вскачь по полям, чтобы сердце снова наполнилось радостью и энергией. Кроме того, безумно хотелось посмотреть на виноградники, о которых она столько читала в византийских книгах, но ни разу не видела вживую. Но ее останавливал страх, вбитый ей в голову еще в Киеве о понятии приличия для незамужней девицы благородного происхождения. Она приехала к жениху, а совершает конную прогулку в компании его вассала за пределами города. Что подумают о ней при дворе?

– Уверен, княжна, король был бы счастлив, показать вам лично виноградники Реймса, но он слишком занят для этого. На днях пребывает герцог Вильгельм на вашу коронацию, де Блуа так же совершенно неожиданно известил о своем намерении посетить этот светлый праздник, а ведь Тибо– вассал герцога Бургундского, с ним нужно держать ухо востро. Поверьте, ваше высочество, королю сейчас не до ваших развлечений. А у вас есть замечательная возможность в преддверии их приезда совершенно безопасно осмотреть красоты Франции.

– В безопасности, граф? – усмехнулась Анна, не менее дерзко посмотрев на него, от чего его взгляд стал деланно-невинным, а улыбка лукавой, как у змея-искусителя. – Вы так настойчиво соблазняете совершить нас эту прогулку, что я начинаю сомневаться в ее безопасности.

– Король Генрих – мой друг – в миг посерьезнел Рауль. – Я верен ему, и ценю то доверие, которое он оказывает в свою очередь мне. Теперь вы – член его семьи, и я хочу стать вам таким же другом, как и ему. К тому же, – он снова лукаво заулыбался, – я не хотел бы, чтобы у вас сложилось плохое мнение о Франции, моей родине, основываясь исключительно на куцей картине мира, видной из уродливых витражей церквей и грязных городов.

– Реймс один из крупнейших и старейших городов Франции, разве нет, граф? Раз я здесь, то хочу осмотреть его полностью, ведите нас. –решилась она, ударила по бокам Ветрицу и та тронулась в сторону городских ворот.

– Ваше высочество, лучше нам проехать здесь. – Рауль указал рукой на горбатый мостик через Вель, – раз вы так интересуетесь историей, возможно, вас заинтересует одно сооружение, оставшееся с древних времен.

Выехав за ворота города, Анна старательно сдерживала улыбку, переглядываясь с Милонегой, слушая графа, в его попытках рассказать о развалинах тройной каменной арки посередине Реймса.

– Дядя Фульк говорил нам с братом, как-то, что это очень древнее сооружение… Мой дед Готье уже застал его в таком виде, а его дед рассказывал…

– Ваш дядя Фульк видимо, очень образованный человек. – прервала его Анна, стараясь не засмеяться.

– Он был епископом Амьена. – поджал губы Рауль, понимая, что княжна не оценила его рассказ и подсмеивается над ним. – А все церковники по большей части любят копаться в книжной пыли, а потом умничая, пугать людей адскими муками.

– Я думаю, не все так плохо, граф. – жизнерадостно улыбалась Анна, и хмурый вид Рауля сошел на нет от ее взгляда. – Мой отец Великий князь Ярослав, хоть и не церковный служитель, но всю жизнь любил читать книги. Он приохотил и нас, своих детей, к этому. В книгах, граф, скрыта история мира и мудрость веков. – Ветрица зафыркала, поглядывая на бредущего рядом с ней красавца-жеребца, и Анна ее успокаивающе погадила по шее. – В библиотеке Киева хранится древний фолиант «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря. Он описал эти места, благодаря этому я и знакома с историей города. Во времена римской экспансии

Реймс назывался Дурокортум, был центром – столицей поселений племен ремов. Это единственное племя галлов, которое не стало воевать с империей и откупилось богатыми дарами. За это римляне оставили город в покое, не стали его разграблять. Цезарь даже записал, что это последний цивилизованный город по пути на север.

– Жители Реймса всегда были хитрыми торговцами-трусами. – буркнул Рауль.

– Тройная арка, вернее то, что от нее осталось, это остатки с тех времен. Ее построили римляне, в знак победы над народом во славу своего бога войны Марса и назвали «Марсовыми воротами». Построены они были в 3-м веке, то есть 800 лет назад. Так что нет ничего удивительного в том, что еще ваш дедушка видел их в таком полуразрушенном виде, граф.

– Кто такой Юлий Цезарь? – нахмурился Рауль. Анна от неожиданности вопроса даже остановилась.

– А разве ваш дядя Фульк вам не рассказывал? – насмешливо спросила она.

– Может и рассказывал, да Тибо его слушал куда внимательнее меня. Да и умер он, когда мы были детьми. – граф решил сменить тему, – Признаться, княжна, король, как и мы все, удивлены, что вы знаете французский. Открою вам секрет, вчера с позором из замка отправили переводчика, которого искали по всей Франции, сами понимаете, славянский язык далеко не самый популярный в нашей стране.

– У меня было достаточно времени выучить его. – усмехнулась она. – Как говорит мой брат Всеволод, каждый последующий язык для изучения проще предыдущего.

– И сколько языков вы знаете? – вскинул удивленно брови Рауль.

– Я умею читать и писать по-гречески, латыни и, разумеется, по-славянски. Моя мать – дочь шведского короля, поэтому она нас с детства учила своему родному языку. К тому же, воспитывавшийся при дворе моего отца Гаральд, ныне король Норвегии, и мой двоюродный брат Магнус, сын покойного короля Олафа, упрочили и расширили наши познания относительно скандинавских языков. Андраш с братом Ласло, которые много лет жили под защитой Великого князя,

научили нас немного венгерской грамоте, а Эдуард, принц Англии, при помощи моей сестры Агаты учивший славянский, обучил ее своему языку, а она в свою очередь научила нас.

– Вы много знаете, княжна. – Рауль посерьезнел. Улыбка пропала с его лица, и дальше он ехал молча. Анна исподволь наблюдала за ним: прямая гордая осанка воина, не знающего поражений. Такую она видела часто у варягов, которых отец иногда приглашал в Киев на службу. Длинные каштановые кудри непослушными волнами спускались на плечи, и ветер трепал их запутанные пряди. За спиной развивался синий плащ с золотой фибулой у горла, открывая твердое, закаленное в боях тело, а у луки седла были приторочены кожаные ножны. Анна засмотревшись на графа, забыла изначальную цель своей поездки. Она наслаждалась весенним солнцем, целовавшим ее лицо, теплым ветром, колыхавшим ее косы, пробивающейся зеленью на равнинах и пашнях, горами, величественно высившимися вдали и любимой Ветрицей под седлом. Однако немаловажную роль в ее удовольствии сыграло, как она внезапно себе призналась, общество этого молодого графа. Их молчание неловко затянулось, и Анна, вспомнив, что она будущая королева, а значит должна разбираться в тонкостях местной политики, спросила:

– Граф, позвольте откровенность за откровенность?

– О чем вы хотели у меня спросить, княжна? Как вы поняли, я не сильно разбираюсь в богословии и истории.

– От чего вы думаете, что я хотела задать вам вопрос именно по этим темам? – засмеялась Анна, видя, что граф, хоть и явно чем-то озабочен, но благостное и шутливое настроение к нему вернулось.

– А разве не эти темы занимают девиц больше всего?

– Возможно. Но я хотела спросить вас о другом. Вчера за ужином, когда речь зашла о графе Амьенском, вы сильно напряглись. Что вас так обеспокоило?

– Нас всех это известие обеспокоило, княжна. – лицо Рауля стало внезапно каменным, он не поворачивал к ней головы, а смотрел в даль поля, где высилась мельница. – И Генриха и Бодуэна. Новость о том, что граф Амьена плетет интриги за спиной короля, очень много значит. Наверняка, не обошлось тут и без

Тибо де Блуа. Возможно, именно поэтому он так кстати оказался недалеко от Реймса, чтобы посетить вашу свадьбу и коронацию.

– Но вас это растревожило особенно. – продолжала давить Анна.

– Мне льстит, княжна, что вы уделили мне столько внимания. Лично мне. – он дерзко улыбнулся и снова обжег ее взглядом своих зеленых глаз, но Анна не сдавалась, а так же твердо продолжала смотреть ему в лицо.

– Граф Бодуэн обеспокоился первые секунды настолько, что его правая рука сжала куриную кость так сильно, что она хрустнула. Король дернул левым глазом от гнева, а его руки затряслись от приступа ярости. Как видите, граф, я уделила внимание всем.

– А вы наблюдательны, принцесса. – второй раз он назвал Анну местным титулом, хотя до этого всегда, как Савейер и Генрих, старательно именовал ее княжной. Девушка поняла, что граф в момент сильных эмоций забывает правила этикета, и переходит исключительно на привычное ему наречие. С минуту он молчал, крепко сжимая поводья своего коня, и избегал ее взгляда. И Анна уже решила, что говорливый граф попросту проигнорирует ее вопрос, когда он ответил:

– Вы правы, эта весть взволновала меня больше всего. Я отчаянно надеялся, что больше никогда не услышу имя графа Рауля Амьенского в политической и военной борьбе. Надеялся, что он смирится, и будет тихо доживать свой век. Но увы, это не в его природе. До меня долетают слухи, что его люди бесчинствуют на соседних землях. Но в союзе с Блуа, он станет более опасным. А если к ним примкнет Нормандия – их альянс станет катастрофическим для Капетингов.

– Чем же так граф Амьена вам так важен?

– Важен? – он резко повернул к ней голову, от чего спутанные кудри облаком взлетели вверх, и стал виден тот самый рваный шрам на виске. – Важен тем, что он гоняется за призраками давно минувшего прошлого. Видите ли, княжна, граф Рауль де Амьен де Вексен – мой отец.

Анна испытала такой шок, что даже если бы в эту секунду к ее ногам ударила молния, то она не вызвала бы таких чувств. Мысли в голове поскакали галопом,

опережая друг друга и путаясь. Ее охватил страх, и она сильно пожалела, что отправилась в эту поездку. Если граф Амьена плетет интриги против короля, то совсем небезопасно находится будущей королеве в обществе его сына. Какой же глупой она была, купилась на его уговоры и осталась без защиты даже городских стен. Несмотря на то, что Реймс был виден, и при желании, Анна могла галопом добраться до него очень быстро, Рауль же был ближе с его тремя вооруженными спутниками, и она оказалась практически полностью в их власти. Надо было срочно что-то делать, пока не стало поздно: неизвестно еще, к каким виноградникам ее ведет обаятельный граф. Княжна натянула поводья, остановив Ветрицу, Рауль не заметив этого, проехал еще в полном молчании, погруженный в свои мысли, несколько метров. Увидев, что Анна остановилась и развернула лошадь в сторону Реймса, он ударил коня по крупу и в несколько секунд нагнал ее.

– Княжна, подождите! – он преградил ей дорогу своим жеребцом. – Вы неправильно поняли меня.

– Благодарю вас, граф, за увлекательную прогулку. Мы все отлично провели время. – Анна постаралась объехать его, но он подался назад, снова преграждая ей путь. – Но нам пора возвращаться. Осмотрим виноградники в следующий раз.

– Княжна! Выслушайте! – он попытался схватить под уздцы Ветрицу, но рядом с девицей вырос седой Столпосвят. Он грозно подался вперед, сжимая рукоять меча в ножнах, заставив Рауля отступить. Дружинник не владел французским языком, но весь его вид говорил лучше любых слов. Граф гневно сверкнул глазами на старика, мгновенно сжав свой эфес, принимая вызов. Этот рыцарь не привык, чтобы ему угрожали, поэтому он был готов сразится со старым воином прямо здесь и сейчас. Но в последнюю секунду остановился и отпустил рукоять меча. Он вздохнул и посмотрел своими пронзительными глазами на княжну, от чего Анна, повинуясь внезапному порыву остановилась.

– Если вы хотите вернуться в замок, я не стану вам мешать. Мой долг сопроводить вас, ведь доставить вас в целости и сохранности, я обещал королю. Но прошу, выслушайте меня.

– Возвращаемся! – Анна махнула своим сопровождающим и направилась к городским воротам Реймса. Рауль пустил своего коня следом.

– Княжна, вы не верите мне?

– От чего же, граф? – белозубо улыбнулась Анна, стараясь избегать его взгляда. Она испытывала только одно желание – оказаться как можно быстрее под защитой короля. Девушка кляла себя за глупость, которая заставила ее покинуть город и оказаться такой уязвимой. Трое дружинников из охраны будут слабой защитой, если граф задумал недоброе.

– Анна, – внезапно произнес он сдавленным тоном, и девушку пробрал озноб. К щекам прилила кровь, а сердце подскочило к горлу от волнения. Она осторожно скосила глаза на графа и увидела на его лице отчаяние от ощущения непоправимой ошибки. Эти чувства так захлестнули его, что граф даже забыл о правилах поведения, назвав будущую королеву по имени. Очевидно, как внезапно осенило Анну, такие эмоции крайне редко возникают у этого гордого и дерзкого графа, значит, он действительно хочет объяснить ей что-то важное. – Мой отец, действительно, далеко не самый преданный вассал короля. И он не в первый раз плетет интриги и заговор против Генриха Капета. Но я – не мой отец. Я служу своему королю. Хотя, по мнению моего родителя, и позорю тем самым наш род.

– И что же заставило вас изменить воле отца?

– Княжна, – поняв, что девушка, хоть и продолжает свой путь в замок, все же готова его выслушать, граф взял себя в руки и назвал ее уже титулом, не догадываясь какой душевный переполох он вызвал, обратившись к ней по имени. – Мой отец, как, впрочем, многие родовитые семьи во Франции, не может смириться с тем, что покойный Гуго Капет, стал королем. Ненависть, которую он питает ко всему королевскому роду описать сложно. Все мое детство он старался привить ее и нам с братом. Не стану скрывать, впервые я поднял свой меч против Генриха в 17 лет, когда мой отец примкнул к мятежу графа Блуа. Но это было давно, граф Рауль-старший поплатился за свою глупость и ненависть лишением всех титулов, доставшихся ему в наследства от моего деда. В отличие от отца, я умнее и дальновиднее. Мне хватило мудрости вовремя понять, что эта война ни к чему не приведет, а трон занимает умный, благородный и сильный король. И я каждый день вижу в зеркале напоминание об этом. – он горько усмехнувшись погладил свой шрам у виска.

– Так почему же вы изменили своему отцу? – Анна не знала что думать, что говорить, что делать. Ей не хотелось верить, что граф предатель. Но по неволе

чувствовала сильнейшее желание снова оказаться в замке То. На ее счастье Реймс уже был совсем рядом, и она даже заставила Ветрицу идти слегка быстрее. Княжна скосила глаза Милонегу. Та была напряжена, не упускала из виду свою подопечную, но не забывала зорко посматривать по сторонам. Рауль же, казалось, ничего не замечал кругом вовсе. Он пристально смотрел на княжну, безуспешно стараясь поймать ее взгляд.

– Можете мне не верить, но у Генриха нет более верного и преданного друга, чем я. – внезапно он дотронулся до ее плеча, чтобы привлечь ее внимание. Она вздрогнула от неожиданности и грозно посмотрела на него. Он тут же отдернул руку, удивленно посмотрел на нее, словно не понимая, как у него это получилось это сделать. Анна же постаралась придать себе гордый и надменный вид, моля Бога об одном: чтобы граф не заметил, какую дрожь во всем теле вызвало это теплое доверительное прикосновение, как сбилось дыхание, а в ушах зашумело. Она нахмурила лоб, поджала губы, гневно сверкнула глазами и ударила Ветрицу по бокам, пуская ее вскачь: до замка То оставалось не более пяти минут езды и остаток пути они проделали в молчании, каждый погруженный в свои мысли.

В замке Анна влетела в свои покои в сильнейшем возбуждении. Сердце бешено билось о ребра, лицо заливала краска. Она мечтала, как окажется в своей комнате и уже один на один с Милонегой обговорит все детали путешествия. Но ее ожидал сюрприз: в кресле у камина сидел Генрих и рассматривал ее личный молитвенник, отделанный серебром и красными и лазоревыми яхонтами. Увидев Анну, он нахмурил брови и положил книгу на стол.

– Ваше величество? Я не ожидала, что вы…

– Как вам Реймс, княжна? – грубо перебил ее король, буравя взглядом.

– Прекрасный город, Ваше величество. – взяла себя в руки Анна и, лучезарно улыбаясь, сняла шапочку. – Мы посетили Собор Богоматери, это удивительно красивый и благодатный храм. Я познакомилась с епископом Ги. Жаль, что вы не составили мне компанию, погода просто потрясающая…

– А как вы оказались за пределами города? – внезапно резко спросил король, Анна вздрогнула и опустила глаза. – Это граф Рауль вас уговорил?

– Ваше величество, это моя вина. Я столько слышала про виноградники, и мне очень захотелось совершить конную прогулку за город и осмотреть местные винодельни. Граф Рауль предложил свои услуги как эскорт… Ваше величество, клянусь, я не хотела вас огорчить! – на ее глаза налились слезы, переживания последних суток дали наконец выход: страх, вина, стыд. Все это слилось в одно и рвало душу девушки на части. Король же внезапно переполошился, глядя на ее слезы и подскочив к ней, усадил ее в кресло и неумело начал поглаживать по-отечески плачущую девушку по голове.

– Анна… – он растерялся и не знал что сказать. –Слишком много людей не заинтересованы в нашей свадьбе, даже среди моих вассалов. С вами могло случиться что угодно, ведь вы были так уязвимы. К примеру, на днях прибывает Тибо де Блуа. Да еще не ясно, какие интриги плетет Вильгельм….

– И граф Валуа? – внезапно вскинула она на него свои чистые серо-голубые глаза. Король еще более растерялся от такой перемены настроения и вздохнул.

– Граф Валуа тут не при чем. Той опасности, о которой я говорю сейчас, он не представляет.

– Он ваш друг, только поэтому я согласилась на эту поездку. Вы же заверяли меня в том, что доверяете ему и графу Бодуэну, как самому себе. – она доверчиво взяла его за руку, он с полминуты смотрел на ее изящную ладонь, словно не понимал что она делает.

– Я не доверяю никому, Анна. – мрачно отрезал он. – Я заявляю это по отношению к ним, потому что это самые могущественные мои вассалы, которые в важный момент перешли на мою сторону и до сих пор демонстрируют лояльность ко мне. Бодуэн, как я уже говорил вам, мой родственник: его поддержку для меня купил еще мой отец, выдав мою младшую сестру Адель за него замуж. А граф Рауль… никогда не думал, что такое дружба, – горько усмехнулся он, – но наверное да – в некоторой степени он мой друг, хотя в свое время он и изрядно попортил мне крови. Но полностью нет, Анна. Я не доверяю никому. Жизнь меня рано научила, что верить можно только себе.

– А мне? Мне вы тоже не доверяете? – внезапно спросила Анна. Она смотрела на этого человека, , годящегося ей в отцы, прожившего бурную и горькую жизнь. Глубокие морщины избороздили его лицо, в волосах и острой бороде блестят

седые волосы. Грубая ладонь, покрытая черными полосами от шрамов и ссадин, привыкла сжимать рукоять меча, и гладить только собственного жеребца. Этот человек, пропахший вином, сталью и конским потом, не знал что такое простая человеческая ласка и любовь. Ей стало его снова невыносимо жаль, и она со всей возможной нежностью погладила огрубевшую кожу на руке короля, доверчиво глядя ему в лицо. Он смотрел на нее со смесью самых разных мыслей и чувств. Потом, проигнорировав ее вопрос сказал:

– Княжна, я прошу вас больше не покидать замок до коронации, и ни с кем не общаться и не встречаться, кроме уже очерченного для вас круга лиц. Это для вашей же безопасности. Все свое время посвятите подготовке к нашей свадьбе, которая назначена на Великий праздник Пятидесятницы, а также таинству коронации и миропомазанию.

Он направился к выходу, громко топая по каменным плитам. Анна от чего-то испытала неожиданно гнев и раздражение от этой походки

– Словно кабан по лесу идет! – пронеслось у нее в голове злобно, – Да и воняет так же…

Но в слух сказала совсем иное, перехватив короля у самых дверей:

– Буду ли я иметь счастье видеть вас, Ваше величество до свадьбы? Или вы и своего общества меня лишаете?

– Это неумелая лесть, Анна. – не поворачивая головы отрезал он. – Она вам не к лицу. Сомневаюсь, что мое общество вам так уж важно и интересно. Общество графа Рауля вам понравилось бы куда больше.

– Но я поклянусь в любви и верности перед Богом именно вам, а не графу! – так же резко ответила Анна. – И мне хочется узнать вас как можно лучше.

Король остановился у порога на несколько секунд, но все так же, не поворачиваясь к ней, покинул покои княжны. Анна в смятении чувств опустилась в кресло и швырнула перчатки на стол.

– Милонега! – позвала она, верная служанка появилась, словно из стены. Оказалось, что при ее разговоре с королем присутствовала и она, и Сен-Меран, которая отчего-то была бледнее, чем обычно. – Только вторые сутки в замке короля, а все уже так сложно…– протянула она по-славянски. Милонега присела рядом с ее креслом и взяла ее за руку. Княжна посмотрела на нее, столкнулась с ободряющим взглядом подруги и улыбнулась. – Ты права, надо готовиться к свадьбе.

Глава 3

На следующий день после памятной прогулки по Реймсу, баронесса де Сен-Меран явилась в покои княжны, всем своим видом напоминая генерала на поле сражения, а за ней спешил выводок мастериц, несущих стопки тканей, пряжи и ниток. Удивленным русинкам баронесса объяснила, что до коронации им необходимо выполнить старинный обычай франков. Согласно ему иностранная принцесса должна оставить все, что ее связывало с родиной, ибо теперь она принадлежит Франции. В связи с этим все наряды княжны были тщательно разобраны по стопкам в зависимости от допустимости кроя и фасона для королевы Франции. Не подходящие по мнению баронессы платья и сарафаны недрогнувшей рукой были распороты и отданы швеям на переделку, которые уже принесли заготовки будущих платьев для молодой королевы. Следующие две недели для Анны слились в один день. Ее окружали белошвейки, обувных дел мастера и ювелиры. Все они суетились и с утра до ночи, примеряя на ней, подшивали, надставляли и подгоняли новую одежду и обувь королевы. Легкий дорогой шелк и золотая порча под их ловкими руками превращались в изящные облегающие платья, непривычного для русинок покроя. Тонкая кожа становилась элегантными туфельками, расшитыми бисером и жемчужинками. Специально для Анны ювелиры Реймса целый год изготавливали миниатюрную копию короны Генриха, а теперь инкрустировали в нее драгоценные камни и заканчивали делать хитрые зажимы, чтобы ее можно было закрепить в густых косах русской принцессы, без риска потерять во время предстоящей церемонии.

Все три ее придворные дамы во главе с баронессой так же были заняты, стараясь по настоянию Анны, точно так же перешить по французской моде и наряды Милонеги. Сама же княжна не знала покоя с этого дня: вокруг нее с утра

до ночи крутились десятки людей, все время что-то переделывая и подгоняя под ее фигуру. Она не могла остаться наедине с собой ни на минуту, ее внимания постоянно кто-то искал: то швея подрубала подол очередного платья, то подгоняли по удобству каблучок изящных свадебных туфелек, а то ювелир спрашивал ее пожелания насчет камней, которые надо вставить в украшения. Анне же отчаянно хотелось побыть одной и подумать…Боже, как много ей надо было обдумать! Сколько вопросов скопилось за эти дни ее пребывания во Франции. Плохо разбираясь в путаной политике королевства, девушка ощущала себя словно выброшенная из лодки посреди широкого Днепра: потерянная и испуганная, плохо представляющая себе куда плыть. Дамокловым мечом висел над ней особенно острый вопрос ее сложных взаимоотношений с королем. Еще по дороге во Францию епископ Готье Савейер рассказал ей грустную историю детства Генриха, из которого Анна сделала неутешительный вывод о явном предубеждении стареющего короля к женщинам. Несмотря на это княжне во что бы то ни стало, надо было изменить такое отношение к себе, и Анна старательно применяла с самого начала для достижения этой цели все способы. Но наметившаяся оттепель в его поведении снова сменилась холодом из-за ее опрометчивого поступка. Анна корила себя долгими ночами, когда мастерицы отпускали ее, наконец, спать, за свое неуемное любопытство и детскую глупость. Как можно было ей, дочери Великого князя Киева, которую с детства готовили к роли супруги правителя государства, которую для этого учили византийские монахи наукам, искусствам языкам и прочим премудростям жизни; как можно было ей, словно простой девчонке, так глупо попасться? Само собой, разумеется же, что приезд русской княжны, которая состоит в родстве со всеми монархами Европы, для вступления в брак с последним Капетингом на троне не мог остаться без внимания. Чего удивляться тому, что граф де Валуа выманил ее за городские стены, где с ней могло произойти все, что угодно.

Однако странное поведение и самого графа не добавляло спокойствия мыслей, а скорее вызывало еще больше вопросов. Если он не имел дурных намерений, как убеждал ее, то зачем, так настойчиво звал ее на конную прогулку по окрестностям в то время, когда его родной отец плетет непонятные интриги за спиной короля. Если же это был коварный план, то почему король настолько доверял ему, что отпустил свою невесту с ним? Да и его слова, глаза, наполненные смесью чувств, и дерзкое поведение, едва не приведшее к драке со Столпосвятом, не давали Анне покоя.

В бедной голове Анны роилось такое количество мыслей, от чего ей казалось, что она похожа на пчелиный улей, а в груди боролись странные смешанные чувства. Но для того, чтобы разобраться в этой путанице, у княжны просто не

было времени и возможности. Ни одного шанса сбежать от всех этих сорок, которые плотной стеной обступили ее, и как куклу постоянно что-то примеряли на ней. Отчаянно хотелось запереться с Милонегой и поговорить, наконец, по душам, прогнав всю эту стаю. Посоветоваться с ней, обсудить все проблемы, но подругу так же поставив на табуретку, наряжали на французский манер, не давая ни секунды покоя.

Анна с тоской вспомнила, глядя на всю эту суматоху, свое детство, когда они с сестрами обшивали кукол, подаренных княжнам купцами из далекой Византии. Тогда это было девочке очень интересно и любопытно, сидя со старшими сестрами и старательно прикусив язычок, орудовать иголкой. По большей части она тогда себе колола пальцы до крови, а сшитая ею кукольная одежка выходила куцеватой, но ее счастью предела не было. Сидя в светелке со старшими княжнами и теремными девушками, распевая с ними народные славянские песни, слушая рассказы, истории и тайные девичьи мечты, девочка была абсолютно счастлива. Теперь все это развеялось как дымка и осталось жить только в воспоминаниях, ибо девичий терем опустел уже давно, еще до отъезда Анны: руки непокорной и колючей Агаты добился Эдуард, увез с собой в Норвегию Гаральд и прекрасную Елизавету, властная и суровая Анастасия стала женой Андраша. Последней покинула светлицы княжьего терема в Вышгороде Анна. И теперь, с утра до ночи подставляя свое тело под чужие руки, она с горечью понимала, что детство кончилось. И теперь ей суждено надеть корону. Стать правительницей народу, которого она практически не знала, супругой мужу, который не слишком был настроен ей доверять, и матерью будущему королю, который никогда не увидит ее Родины. Это были те три цели, к которым ее готовили с детства, и начать надо именно со второй.

Но уже это оказалось крайне тяжелой задачей: время шло, коронация и венчание близились, а Анну окружали только швеи, башмачники и служанки. Даже епископ Готье к ней не допускался, хотя как никогда ей был необходим его мудрый совет. Самой княжне так же не позволялось даже покидать покои, ссылаясь на то, что в ее комнатах у нее есть все необходимое. С самого утра баронесса будила княжну, после утренней молитвы и завтрака, ее покои наполняли мастерицы и работа кипела. Уже когда всходила Луна измученную Анну и Милонегу отпускали почивать, девушки без сил падали в постели и мгновенно засыпали, чтобы снова подняться ни свет ни заря.

Когда до торжественного события оставалось не больше трех дней, Анну обрядили наконец с головы до ног в свадебное платье, заплели косы, закрепили

корону, а на ноги одели расшитые жемчугом туфельки. Княжна стояла перед большим зеркалом во весь рост и рассматривала себя: шелковое платье нежно голубого цвета выгодно облегало изящную фигуру в лифе, подчеркивая приятную округлость небольшой груди, грациозный изгиб талии и бедер обхватывала золотая ажурная цепочка, концы которой спускались спереди, длинная юбка колоколом свободными мягкими складками спадала на пол. Главным украшением платья, конечно, был тонкий дорогой шелк, из которого его сшили, но края широких рукавов, оплечье и кромка подола были оторочены золотой каймой и расшиты жемчужинами. В уши княжны были вставлены золотые серьги с украшениями из белого сердолика, которые ей на прощание подарила мать. Золотисто-медовые косы Анны заплели на славянский манер и закрепили княжеской тиарой с височными кольцами из золота, открывая изящную длинную шею. Планировалось, что венчаться с королем она будет в киевской тиаре и с косами на родной манер, но во время коронации снимет атрибут принадлежности к княжеской семье и архиепископ Реймса водрузит на ее чело французскую корону. Девушка, одетая с ног до головы в небесные цвета, казалась себе сейчас ангелом, о котором так часто рассказывали монахи, но не могла сказать, что в этом наряде чувствовала себя уютно. Слишком уж фасон платья был непривычен и не походил на русские сарафаны и византийские одеяния, которые она носила раньше. Ей казалось, что грудь и бедра слишком нескромно смотрятся в облегающем одеянии, шея чересчур вольно оголена, да и в талии было непривычно узко и неудобно. Анну смущал такой, возможно чересчур откровенный наряд, неподобающей великой княжне Киева. Но все сомнения рассеяла неожиданно баронесса де Сен-Меран. Она день за днем до этого все время скептично рассматривала девушку и ежедневно третирующая бедных мастериц, критикуя их работу, внезапно умилено улыбнулась и произнесла:

– Франция еще не видела столь красивой королевы, как вы, княжна.

– Баронесса? – вскинула брови Анна, а та смущено и грустно улыбнулась и отвернулась, проверяя работу очередной швеи, пришивающей последние жемчужинки на парадное платье будущей королевы.– Вы знали других королев?

– Я была девочкой, когда в Реймсе короновали Генриха, а мой опекун взял меня с собой. В церкви я видела королеву Констанс. – не поднимая глаз, почему-то грустно ответила она, осматривая работу девушки. – Это надо переделать, никуда не годится!

– А королеву Матильду? – спросила Анна и увидела, как все девушки испуганно уставились на нее, словно та стала призраком. Видимо при дворе не принято вспоминать покойную принцессу Фризии, первую жену Генриха. Баронесса перекрестилась и ответила:

– Видела. Но только так же мельком, мой покойный муж сопровождал своего сюзерена на ее свадьбу и взял меня с собой.

– Вы вдова? – удивилась Анна. Она внезапно осознала, что совсем не знает эту суровую и холодную женщину. И то, что она вдова оказалось полнейшей неожиданностью для княжны. Княжна мысленно сделала себе зарубку на память, узнать о своем окружении как можно больше. Тем более что у Анны возникло стойкое ощущение, что баронесса многое скрывает и недоговаривает.

– Мой муж скончался два года назад. – холодно отрезала баронесса.

– Я соболезную вашему горю, баронесса. – Анна постаралась вложить в слова как можно больше участия и тепла, но та невозмутимо ответила.

– Благодарю, княжна. Но меня выдал за своего вассала мой опекун, когда мне было 18 лет, а моему мужу в тот момент было 48 лет. И взял он меня исключительно, чтобы угодить своему сюзерену, ну и разумеется из-за приданного. Я уважала его и почитала, как супруга, венчанного перед Богом. Но, когда он умер, оставив меня без гроша, сами понимаете, особой скорби я не испытала.

– А как же вы оказались при дворе? – удивилась Милонега. – Если ваш муж оставил вас без средств к существованию?

Баронесса побледнела, словно испугалась чего-то, и порывисто схватила вышивку одной из девушек, старательно демонстрируя, что занята делом и отвечать не хочет. Анна с подругой переглянулись, но их отвлек шум из открытого настежь окон покоев княжны. Милонега, повинуясь мгновенному порыву, соскочила с табуретки, на которую ее водрузила Гизела, чтобы подогнать подол платья, и пронеслась к этому узкому проему, больше походившему на расширенную бойницу, и высунулась наружу, с любопытством рассматривая происходящее. Анна усмехнулась – подруга скучала и мучилась не меньше, чем она сама, судя по ее порывистым движениям, не замечая

возмущенный возглас Гизелы

– Всадники, княжна. – возвестила она. – Их десять человек, вооружены…

– Кто это? – Анна подошла к подруге, но высовываться как она не стала, а осталась в тени. Во двор через арку действительно въехали десять конников, об их прибытии возвещали трубы герольдов. Двор наполнили звуки цоканье коней, крики и грубый смех мужчин, лязганье и бряцание кольчуг. Они весело переговаривались и громко смеялись. Во главе них ехал высокий светловолосый мужчина. Даже с высоты своего окна Анна видела непомерно горделивую осанку всадника, он высокомерно поглядывал на слуг и расчищал себе путь хлыстом. Рядом с ним ехал герольд со штандартом, на котором красовался герб: серебряная полоса на голубом поле. Слуги сбились с ног, стараясь угодить визитерам, но все равно получали удары охотничьими кнутами и пинки рыцарей.

– Это граф де Блуа, – неожиданно над ухом княжны произнесла баронесса, тихо подошедшая к окну. – Тибо III, граф Шатодена, Шартра, и Сансерра.

– Вот он какой! А я себе его представляла, судя по упоминаниям о нем, как минимум с хвостом и рогами! – усмехнулась Анна, но посмотрела на баронессу и ее улыбка сразу пропала.

– Будьте с ним осторожна, княжна. Это очень опасный человек. Он могущественен и богат, а главное… – она понизила голос почти до шепота, оглядевшись по сторонам, удостоверяясь, что никто не подслушивает их. – Он – один из последних аристократов Франции, кто заинтересован в вашей свадьбе и в возможном вашем потомстве.

– Баронесса, если послушать мое окружение, то своей тени скоро бояться начнешь. – фыркнула Анна. – Складывается ощущение, что все, кто вассалы короля опасны и желают ему зла. Граф де Блуа, граф де Амьен, герцог Нормандский…

– Так оно и есть, принцесса. – вздохнула Сен-Меран.

– …граф де Валуа…– Анна специально подбросила это имя женщине, надеясь услышать ее мнение о происходящем и не ошиблась.

– Граф де Валуа предан королю. – внезапно горячо возразила баронесса и залилась краской, опустив глаза. – Он, конечно, очень силен, и могуществен. Но его мечи не направлены против Генриха, уверяю вас. Уже давно.

– Откуда такая уверенность? – удивилась Анна. Но снова баронесса постаралась проигнорировать вопрос, и снова на выручку ей пришел шум: в дверь покоев постучали. Герберга открыла, кратко переговорила с кем-то и вернулась.

– Ваше высочество, приходил только что Шарль. Король просит вас разделить с ним ужин, если конечно вы желаете.

– Разумеется, желаю! – воскликнула Анна и начала снимать с себя украшения. Вот ее шанс снова вернуть расположение Генриха, она должна им воспользоваться во что бы то ни стало. И пусть там будет присутствовать граф Фландрии, граф Валуа да хоть сам архангел Михаил! Она сделает все, чтобы король снова к ней потеплел.

– Король так же просил передать, что это будет тихий и скромный ужин наедине с вами. Никто из его вассалов и соратников не будет вам мешать.

– Никто? – удивилась Милонега и посмотрела на Анну и добавила по-славянски – Я тебя одну не отпущу!

– Даже не думай! – злобно прошипела маленькая Гизела и силой водрузила русинку на табурет. Ни слова не понимая по-славянски, она интуитивно догадалась о чем та говорит. – В этот раз ее высочество обойдется без тебя! Иначе я никогда не закончу это проклятое платье.

– Да не очень то и хотелось! – фыркнула Милонега. – Сами носите эти перчатки на теле, в которых ни вдохнуть, ни выдохнуть невозможно. А княжну я одну не отпущу!

– Милонега, ты не сможешь сопровождать княжну во время коронации и венчания, если на тебе будет сарафан. – отрезала Сен-Меран.

– Чем это мои сарафаны плохи? – уперла кулачки в бока русинка и тут же была уколота булавкой Гизелой

– Стой смирно! – прошипела служанка.

– Действительно, – Анна задумалась –, не могу же я одна идти на ужин к королю. Это неприлично для незамужней девицы.

– Я пойду с вами, принцесса. – Баронесса твердо поставила точку в разговоре непререкаемым тоном и стала помогать подопечной снимать платье. – Милонега останется дошивать платье, а ты, Гизела, поторопись, иначе спать сегодня не ляжешь, если не закончишь.

Уже знакомый кабинет короля был освещен несколькими свечами и уютным огнем камина. Король стоял у окна, заложив руки за спину и смотрел на улицу, когда Анна вошла в сопровождении баронессы. Без верной Милонеги она себя чувствовала крайне неуютно, но согласилась с доводами вдовы после долгих раздумий и взяла с собой ее. Шарль стоял за креслом короля и уже держал бронзовый кувшин с вином. Анна откашлялась, привлекая к себе внимание. Король обернулся, и Анна увидела человека, измученного тяжкими думами и бессонными ночами.

– Княжна, я рад вас видеть. – он кивнул ей, и Анне показалось, что король стал еще более мрачным и угрюмым, чем был. Складка на лбу между бровей стала глубже, а в аккуратно подстриженных черных волосах добавилось несколько седых волосков. – Я подумал, что вам должно быть одиноко в ваших покоях в обществе исключительно златошвеек и башмачников. Ведь вы привыкли дома, наверное, к другому ритму жизни. Поэтому я решил разнообразить ваше времяпрепровождение в ожидании венчания…и к тому, же, мне бы хотелось познакомиться с вами поближе.

– Мне очень приятно такое внимание. Ваше приглашение для меня много значит. – Анна обаятельно заулыбалась, сердце ее трепетало от мысли, что все-таки ссора, которая произошла между ними, осталась в прошлом, и король сам был не рад от сложившейся ситуации, раз он «подумал» и «решил».

– Признаться, возникшее между нами недопонимание тяготит меня. – король пригласил Анну за стол, сел сам и неумелым извиняющимся тоном продолжал, не поднимая глаз на княжну. -Я был, должно быть, чересчур груб с вами. Но прошу вас о снисхождении: я никогда не умел обращаться с женщинами.

– Однако вы наговариваете на себя. Ваше предложение разделить с вами трапезу для меня многое значит. Вы тонкий знаток женской души. – грубо польстила Анна, и увидела как король занервничал еще больше.

– Это граф де Валуа, посоветовал мне в качестве нашего с вами примирениями пригласить вас на ужин. Вижу, что он был прав. Он всегда была более удачлив у женщин, чему удивляться?

– Граф де Валуа? – вскинула брови Анна, почувствовав, как щеки снова заливает румянец, а сердце подскочило к горлу. – он посоветовал вам пригласить меня на ужин?

– Да. Рауль винил себя в том, что подверг вас такой опасности, вывезя за пределы Реймса, когда де Блуа где-то рядом. И из-за этого между нами с вами произошла эта…

– Недомолвка. – подсказала Анна, король внезапно вперил в нее свой ястребиный взгляд, с трудом, но девушка его как ни в чем не бывало выдержала, мягко улыбаясь. Король через полминуты кивнул ей, соглашаясь, и пригласил за стол. Анна села, позволила налить себе бокал вина, положила на тарелку мяса, но к еде почти не притрагивалась. Не для еды она пришла сюда сегодня, одев один из лучших своих нарядов, который судя по одобрительному взгляду короля, ему пришелся по вкусу.

– Ваше величество, позвольте мне задать вопрос? Я во Франции совсем недавно и практически не знакома с ее политикой и проблемами. Могу я попросить вас помочь мне разобраться в деталях?

– Разве вас это может заинтересовать? – хмыкнул король. – Политика, войны и внутренние распри? Может, лучше вас будет интересовать детали нашего с вами венчания?

– Безусловно, это тоже важный вопрос. – кивнула Анна. – Но меня волнуют и множество других проблем.

– Ну что ж, спрашивайте, о странная принцесса. – засмеялся король, и отпил из кубка. Анна невольно отметила, что Генрих явно любил вино, за те несколько

раз, что они виделись, он неизменно обильно поглощал его из своей огромной чаши.

– Я не раз слышала уже имя графа Тибо де Блуа. И если его имя звучит в разговоре, то обязательно имеется ввиду, что он опасен. Кто же такой этот граф?

– Номинально – мой вассал. – улыбка пропала с лица Генриха и он нахмурился. – Вы уверенны, что хотите услышать всю историю? Она вряд ли интересна для женских ушек.

– Если бы не была уверена, то не спрашивала.

– Ну хорошо, сами напросились. Но начать придется издалека. – Генрих сделал еще один глоток, развалился в своем кресле и начал рассказ: – Началось все с того, что мой покойный отец женился по приказу короля Гуго. Первой его женой пришлось стать вдовствующей графини Фландрии Розалии, дочери Иврейского короля. Положение моих предков, если уж совсем углубляться в историю, сложно было назвать прочным, потому как король Гуго был герцогом Парижским до своей коронации. К угасшему роду Карла Великого он отношения не имел, хотя наши предки неоднократно оспаривали трон у каролингов. Когда высшая аристократия признала моего деда королем, каждый придерживался своих интересов. Ослабленная центральная власть давала больше свободы вассалам, чем те не преминули бы воспользоваться. В любой момент другие герцоги могли объявить о своей самостоятельности и выйти из состава королевства. Поэтому моему деду пришлось всю жизнь балансировать на грани мира и войны, отстаивая свою власть и корону. Для этого он применял не столько силу оружия, сколько хитрость и изворотливость. Лояльность, к примеру, Фландрии Гуго решил династически: вдову покойного графа выдали замуж за моего отца. Розалия была намного старше своего молодого супруга, и, разумеется, была скорее фиктивной женой принца. Но сразу после смерти Гуго, Роберт развелся и женился на молодой вдове Берте де Блуа. Дочь короля Бургундии Конрада I Тихого и Матильды Французской, по линии матери она состояла в родстве с Императорами Священной Римской Империи, к тому же Людовик V, последний каролинг на троне франков, был ее двоюродным братом. Я практически не помню ее, но все, кто ее знал, говорили о ней, что она была удивительно добрым и светлым человеком. Красивая, мягкая и женственная – неудивительно, что такой высокодуховный человек, как мой отец, потерял голову, когда познакомился с ней. В то время она была женой графа де Блуа и матерью его

восьмерых детей, среди которых был мальчик Эд. Когда умер ее супруг и отправился в мир иной король Гуго, мой отец развелся с Розалией к огромному своему облегчению и ее радости, понимающей весь абсурд этого брака. Они повенчались с Бертой сразу же. Их не остановил даже запрет Папы Римского, так как супруги находились в столь близкой степени родства, что церковь запрещала такие браки – Роберт приходился ей троюродным братом по материнской линии. Они прожили вместе четыре года, не обращая внимания на гнев Рима. Видимо любовь к Берте пересилила и глубокую религиозность отца и благочестие, так как короля не испугало даже отлучение от Церкви. Ее детей он взял к себе во дворец в Париже и плоть до совершеннолетия старшего сына он старательно оберегал наследство их отца. Когда же время пришло, отец передал все в целостности и сохранности мальчикам. Но если главный наследник Тибо был лоялен к отчиму и благодарен за воспитание и свои земли, то Эд был другим. – Генрих замолчал, сделал глоток и задумчиво посмотрел за окно, где уже собиралась ночь. Воцарилось молчание, прерываемое потрескиванием камина и тяжелым дыханием короля. Анна тронутая такой историей о сильной любви двух людей, с нетерпением ожидала продолжения истории:

– Но ведь вашу матушку звали Констанс. – робко напомнила она, король словно очнулся ото сна и сильно нахмурившись продолжал. – Что же произошло?

–Да. Однако отцу все же пришлось смириться судьбой. Берта несмотря на свое отменное здоровье и плодовитость, родила от короля только одного ребенка. Маленький принц родился мертвым. После этого мой отец все-таки уверовал в то, что Господь не одобряет его брак и поэтому послал ему наказание. Испугавшись, чтобы его обожаемую Берту, которая крайне тяжело перенесла и роды и смерть ребенка, не постигла еще большая кара, Роберт признал согласно эдикту Папы Григория свой брак недействительным и женился на дочери графа Прованса Констанция де Арль. Моя мать была женщиной гордой, властолюбивой и жестокой. При дворе ее очень не любили за интриги, которые она постоянно плела, преследуя свои цели, одной ей порой известные. С отцом у них отношения не сложились из-за характеров, столь разительно различающихся. Отец не однократно отвергал ее, всегда держа при себе Берту и постоянно выпрашивая у Папы разрешения на брак с любимой женщиной. Моя мать не могла и не хотела мириться с таким положением вещей. Будучи сильной и непомерно амбициозной женщиной, своего мужа, небезосновательно, считала слабым и безвольным. А открытое пренебрежение к себе, которое она постоянно ощущала со стороны Роберта, усугубляло ситуацию. Ненависть, которую она, в итоге, испытывала к королю перекинулась и на их детей. Правда, надо признать

исключительно на моего старшего брата Гуго и меня. Любимчиком считался наш третий брат – Роберт именно его она мечтала видеть на троне франских королей.

– Как же можно любить одно свое дитя и ненавидеть других? – удивилась Анна.

– В душе королевы Констанции было много загадок. Я слышал однажды сплетню, что Роберт родился в период очередной ссоры моих родителей. Мол, после смерти своей дражайшей Берты король был в трауре, и в меланхолии просиживал в Санлисе, оплакивая ее кончину. Исходя из этого, злые языки поговаривали, что отцом Роберта был вовсе не король. Этим и объясняется исключительное отношение со стороны Констанс к третьему сыну. Все может быть, конечно, но я думаю тут дело в другом. Королева всю жизнь стремилась к власти, подчиняя своей воле мужа, чтобы управлять самой. Она хотела упрочить свое положение, и подавить точно так же Гуго. Когда ему было десять лет, она настояла на его коронации в Компьене под предлогом обычая, заведенного Гуго Капетом, короновать наследника престола при жизни отца. Но по мере взросления брат стал требовать себе все больше власти и вконец рассорился с матерью. Она добилась того, что отец официально изгнал своего со-правителя от двора и лишил его всякого наследства. Гуго был вынужден уйти в Компьен и вести жизнь странствующего рыцаря, не гнушаясь разбоя и грабежей. На самом деле он собирал силы для мятежа против отца, за которого фактически правила Констанс. Но этому бунту не удалось даже оформиться, ибо через два года брат погиб при падении с коня на компьенских дорогах. Моя мать решила, что я не слишком гожусь в правители Франции, не слишком умен и силен, в отличии от Роберта. Его же жестокость и неукротимость граничила порой с безумием. К тому же, ей не давала покоя мысль, что отец назначил герцогом Бургундии именно меня, хоть мне и было тогда всего 8 лет, обойдя ее любимого Роберта, так похожего на нее саму. После смерти Гуго она приложила все усилия, чтобы наследником был провозглашен брат, а не я. Видимо, она считала, что братцем ей будет легче управлять. Но ей пришлось смириться с поражением – отец как никогда проявил твердость и в Реймсе архиепископ помазал меня на царство. Однако и тут королева не унялась. Она подзуживала нас с братом начать войну против отца, который вовсе потерял, казалось, волю к жизни и не интересовался делами королевства. Она добивалась, чтобы отец лишил наследства и меня изгнав, как Гуго, от двора. В чем-то она добилась своего – мне действительно пришлось покинуть Францию и бежать в Бургундию. Но вместе со мной отправился и Роберт, который принимал тоже участие в готовящемся мятеже. Нас принял у себя граф Рено Невер, муж нашей сестры. Именно он и примирил нас с отцом и я вернулся в Париж. – он прервался, отпил вина и внезапно

спросил: – Вы еще не устали, княжна? Не потеряли нить повествования?

– Отнюдь. – Анна чувствовала, что голова гудит от обилия имен и титулов, как колокольня Собора Святой Софии, но она старалась не упускать ничего из рассказа короля. – Мне очень интересно.

– В принципе мы добрались почти до Тибо. Через год после примирения в Бургундии, отец скончался, оставив меня королем. Но, повторюсь, моя мать не была довольна таким раскладом. Живя в замке Мелён, она плела интриги против меня, мечтая посадить на трон более достойного, по ее мнению, Роберта. Брат поддался на ее уговоры и начал собирать против меня войска. Самым могущественным его сторонником оказался граф де Блуа, уже упомянутый мной Эд.

– Сын Берты от первого брака?

– А у вас хорошая память, княжна. – засмеялся Генрих. – Как я уже говорил, Берта родила своему первому мужу восьмерых детей. Самый старший мальчик умер через шесть лет после рождения и за год до второго замужества их матери. Остальных мой отец взял к себе во дворец под свою опеку. Обширное наследство после смерти старого Эда I получил следующий сын Тибо. Но поскольку он был ребенком, мой отец управлял его землями и отстаивая их независимость вплоть до его совершеннолетия. Он умер молодым, не успев женится и, соответственно, оставить потомство. Еще до моего рождения следующим графом де Блуа стал третий сын Берты – Эд. Уж не знаю чем он руководствовался вставая под знамена Роберта. Могу только догадываться, что питая ненависть ко всей нашей семье, любой конфликт между нами был ему на руку.

– Вы же говорили, что король Роберт воспитывал всю семью покойного графа. Почему он ненавидел вас?

– Эд боготворил своего отца, считая, что Берта предала его память, вступив в новый брак еще до окончания траура. Потом, когда королю пришлось оставить свою жену, чтобы заключить другой союз, Эд еще больше обозлился, считая, что мать опозорена, как брошенная жена. К тому же, если бы Роберт остался в браке с Бертой, и у них не было бы детей, а возраст Берты говорил в пользу этого, то юного Блуа могли короновать наследником престола. Но ему пришлось

смириться с положением вещей. При жизни Берты он сидел в Туре, и занимался делами исключительно своего графства. Участие в мятеже для меня было шоком: я думал, что он не встанет не под чьи знамена, так как ненавидел нас обоих одинаково. Может Констанс купила его обещаниями небывалого богатства и власти, если он поддержит притязания Роберта. С уверенностью могу сказать одно – граф де Блуа был самым влиятельным и могущественным союзником моего брата. Он помог собирать войска против меня, деньги, заключал выгодные сделки и очень талантливо вел все сражения. И я проиграл эту войну. Был вынужден бежать в Нормандию в Фекан. Роберт Дьявол, мой дальний родич, согласился мне помочь тогда. Во главе безумных потомков викингов я вернулся в Иль-де-Франс и уже разбил армию моих противников. Я сохранил тогда трон, но дорогой ценой: в благодарность за помощь герцогу Нормандскому мне пришлось отдать южную часть Вексена. Роберт согласился отказаться от своих притязаний на мой трон в обмен на корону герцога Бургундии. Так, мне пришлось отдать львиную долю моих земель, чтобы сохранить престол. На время я вздохнул спокойно, пока нормандцы открыто меня поддерживали, мои прочие вассалы не дерзали поднимать против меня головы открыто. Но через три года умер Роберт Дьявол, оставив вместо себя наследником своего семилетнего незаконнорожденного сына Вильгельма, взяв с меня обещание помогать и оберегать мальчика. И сразу же после этого взбунтовались бароны Нормандии, подстрекаемые дядьями юного герцога и мне пришлось приложить не мало усилий, чтобы помочь мальчику сохранить не только жизнь, но и трон. Одновременно с этим Эд поднял против меня снова мятеж, понимая прекрасно, что теперь, лишившись мощной поддержки Роберта Нормандского, я слаб. Это был очень харизматичный лидер и отличный полководец, дальновидный стратег и отличный воин. За ним пошли люди. Им удалось собрать против меня обширную оппозицию. Я потерял на полях сражений тысячи своих рыцарей, отвоевывая право на трон. Наконец, в битве при Бар-де-Люк, мне удалось разбить их армию. Более того, в этой решающем сражении пал и сам Эд. Лишившись своего лидера, мятежники сдались на милость короля. Совершая правосудие над бунтарями, нарушившими свои присяги вассалов, я старался проявлять милосердие. За что уже неоднократно поплатился. Например, я сохранил жизнь и имущество сыну Эда – Тибо. Он унаследовал воинские таланты отца, амбициозность и лютую ненависть ко мне. К тому же он еще и дьявольски хитер. Сильнее, чем покойный Эд. И уже вскоре после смерти отца, он снова поднял восстание, как из-под земли собрав новое войско. С этим восстанием я боролся долго. Надо признать, Анна, что земли графа Блуа гораздо обширнее моего домена, армия Тибо превосходила мою в два раза. А к тому же к нему присоединялись другие: например, граф Валуа.

– Валуа? – удивилась Анна и, постаравшись придать себе невозмутимый вид, игнорируя бешенный стук сердца, спросила – Я думала он ваш друг.

– Именно после того, как Рауль перешел на мою сторону, при поддержке Бодуэна я и смог одержать победу. Но до этого момента прошло пять лет. Тибо пришлось отдать мне Тур, перенеся свой центр в Шампань. Сами понимаете, княжна, что особенной любви он ко мне не питает. Помножьте его собственный позор поражения на ненависть его отца ко мне. Ведь из-за меня он претендуя на Санс и королевство Бургундия, рассорился с Императором и вынужден уже на полях Шампани воевать с ним, забыв про меня. Теперь Тибо вассал французской короны, но вынужден еще принести присягу Генриху III, что совсем противоречит его свободолюбивой и хитрой натуре. – Генрих снова сделал большой глоток и долго изучал свой бокал, прежде чем продолжить. – Не так давно я вернул Блуа ко двору, вернув кое-что из его имений.

– Зачем?

– Роберт Дьявол в свое время дал мне мудрый совет: «Держи своих друзей рядом. А врагов еще ближе». Если Тибо плетет интриги, а я уверен, что он вынашивает какие-то планы против меня, я быстрее узнаю о них, если он будет при дворе

– Разумно и мудро. – задумалась Анна.

– Но он хитер, получил от меня титул своего отца, вместо утраченного графства Тур и теперь нос не кажет сюда. За все время всего несколько раз прибывал ко двору, остальное время сидит в своем Блуа. А тут неожиданно сообщил, что приедет на свадьбу. Это не к добру. К сожалению, княжна, – вздохнул Генрих. – Вся моя жизнь – одна сплошная битва. Со всеми и против всех. Никто и никогда не хотел меня видеть на троне. Ни двадцать лет назад, ни сейчас. Мои вассалы бесконечно бунтуют против меня, плетут интриги. По одиночке, или все разом. И нет никакой возможности заставить их повиноваться. Я слишком слаб, моя армия не велика, домен, где я безраздельный хозяин, ничтожно мал. Блуа, Анжу и другие только и ждут, когда я оступлюсь и сделаю ошибку. Будьте уверены, как только я упаду, они набросятся на меня как стая волков и раздерут на части все то, что я создавал таким трудом.

– Ваше Величество, – Анна видела, что у захмелевшего от выпитого вина короля, развязался язык, иначе бы он вряд ли стал так откровенничать с ней. Но княжна услышала практически все, что хотела, и знала что сказать в ответ. – Кажется, я знаю, как помочь вам держать в узде мятежных герцогов и повысить престиж короны.

– Вот как? – поднял на нее мутные и хмельные глаза король.

– Полагаю, что у ваших мятежных вассалов есть дочери?

– Возможно… скорее всего… – от такого вопроса Генрих явно растерялся и пытался понять ее задумку. – не у всех…

– Ну или сестры? Которые живут на их попечении? Или жены, на худой конец?

– Должны быть.. а зачем это вам?

– С вашего позволения, Ваше величество, – она скромно опустила глаза и понизила голос, – я бы хотела набрать новых своих придворных дам. После нашего венчания и моей коронации, вы можете объявить своим вассалам, что королева желает, чтобы их дочери, сестры или жены, прибыли ко двору. Жены будут моими спутницами и наставницами во Франции, будут меня обучать этикету, который принят в вашей стране, а также совершенствовать мой французский. Девицы же найдут в моем лице опекуншу, и под моим надзором так же будут обучаться всему, что положено знать благородной даме: рукоделию, танцам, музыке, языкам и, разумеется вере христовой. Да и женихов им будет легче найти при дворе короля. А потом, когда эти девицы выйдут замуж и родят своим супругам детей, им будет проще воспитывать сыновей жить в мире и союзе и с королем и с соседями. Ведь будущие рыцари – сыновья их подруг.

– Вы так заботитесь о французской знати, Анна… Однако, я не понимаю, как это поможет мне усмирять моих вассалов?

– Официально, это и будет выглядеть так как я описала. На самом же деле, у такого поступка есть много достоинств. Например, зная, что во дворце короля живет близкая ему женщина, вассал сильно подумает прежде, чем обнажить против вас меч. Ведь в противном случае, при набеге на королевскую

резиденцию она может пострадать. Не стоит недооценивать роль женщины в таких вопросах.

– Не думаю, что это поможет. Но отчего не попробовать. – после долгой паузы ответил Генрих. – Завтра же велю Роже найти герольдов и составить список ваших новых потенциальных дам. Вы чем-то правы, пора, наконец, обогатить королевский двор. Вообще-то, – он задумчиво почесал бороду, – я помню, что у матери были придворные дамы вроде бы тоже из знатных семейств… но сами понимаете, я редко живу во дворце в Париже, проводя почти все время в военных походах. А королевы во Франции не было давно, поэтому мой двор не отличается ни утонченностью, ни изысканностью. Нынешние дамы – дочери местной реймской знати. Их подбором занимался граф Рауль и Бодуэн.

– Ну вы же не могли быть всюду одновременно. – проникновенно кивнула девушка. – Вы же живой человек, хоть и король. За всем уследить невозможно. А я буду рада разделить с вами бремя и тяготы власти. Разумеется, если вы сами этого захотите.

– Анна, вы очень странная женщина. Не похожая ни на кого, кого бы я знал раньше. – внезапно он отставил бокал и полными хмеля глазами уставился на нее, поглаживая черную бороду. – В вас говорит мужской ум, столь не свойственный девицам. И в то же время, вы настолько невинны, юны и свежи, сколь и прекрасны.

– Благодарю, вас, ваше Величество, но я не стою таких комплиментов. – за пунцовела Анна и опустила глаза, как ее учили в детстве, стараясь понравится ему еще больше, и демонстрируя женскую покорность и смирение. Но внезапно на нее нахлынули совершенно новые мало знакомые чувства, от которых ей стало дурно. От чего-то к горлу подкатила тошнота, а в сердце затрепетало от непонятного страха и все тело пронзило отвращение к королю. Она боялась поднять глаза, опасаясь, чтобы Генрих не понял ее чувств, и все усилия направленные на его очарования не пошли на прахом. Поэтому она решила закончить их трапезу на столько позитивной ноте и побыстрее оказаться за пределами его пронзительного взгляда.

– Ваше величество, как ни приятно мне ваше общество, как ни рада я разделить с вами ужин, но прошу разрешения покинуть вас и вернуться в свои покои. Час уже поздний, а последние мои дни наполнены приготовлениями к свадьбе. Мне надо немного отдохнуть, иначе вы поведете к алтарю бледную как луна куклу с

синяками под глазами.

– Уверен, Анна, это не испортит вашей красоты. – ответил король. Анна, уже поднимавшаяся из-за стола, вернулась на место. Король ее не отпускал, а значит надо дальше играть свою роль очарованной юной девицы и демонстрировать свое расположение к нему.

– Мы с вами не говорили еще о коронации. Ваш отец отдельно настаивал в письме на этом условии. – пояснил он, продолжая буравить ее орлиным взором, от которого Анне каждый раз было не по себе. И в этот раз, она старалась не поднимать глаз, чтобы ее чувства улеглись, и остались только в ее памяти.

– Великий князь, оговаривал пункт этого договора отдельно с преподобными отцами. Они сказали, что это возможно.

– Кстати о епископах, раз вы их помянули. – король залпом осушил кубок, услужливый Шарль снова его наполнил, хотя Анна видела, что Генрих уже изрядно пьян. – Похоже вы слишком близко сошлись с епископом Готье.

– Это достойный и ученый человек, ваше величество. Он учил меня в дороге французскому языку, особенностям и обычаям вашей страны. Кроме того, его мудрость и благочестие..

– Сколько хвалебных слов! – хохотнул Генрих и неожиданно рыгнул в голос Анна вздрогнула от неожиданности и опустила глаза. Король вытер рот рукавом и продолжил. – Вам следует подыскать духовника. Насколько мне известно, с вами не приехал русский священник?

– Увы, нет. – по мимо своей воли Анна ответила слишком сухо, не сумев сдержать раздражение к пьяному собеседнику. Но тут же взяла себя в руки. – Возможно, с вашего позволения моим духовником станет епископ Готье?

– Он епископ города Мо. – нахмурился Генрих. – А это земли Тибо.

– Тогда как он оказался в делегации в Киев?

– Роже выбирал себе попутчиков. – пожал плечами Генрих. – Вроде бы для охраны с ним отправился рыцарь Гаслен де Шони, его дальний родич. А Готье, по его словам, ученый богослов, к тому же владеющий несколькими языками, среди которых и славянский.

– Ну вот видите, ваше величество, в выборе моим духовником Савейера есть много достоинств. Кроме той лестной характеристики, что вы ему сами только что дали, можно извлечь выгоду даже из его связи с графом де Блуа

– Какую же? – потерянным взглядом уставился на нее король, а Анна еще больше укрепилась в мнении, что пора закруглять свидание.

– Графу Тибо,– старательно сдерживая раздражение, начала разъяснять она. – будет безусловно льстить, что епископ епархии его владений стоит настолько близко к королевской семье и имеет влияние при дворе. Нет сомнений, к тому же, что он постарается сделать Савейера своим шпионом и осведомителем.

– Тогда какой смысл приближать к себе заведомого шпиона?

– Зато мы будем знать что именно известно графу де Блуа, – вздохнула Анна. Похоже королю были совсем не знакомы понятия интриг. – Ведь всю информацию епископ, если он и станет осведомителем Блуа, будет получать от меня. А уже от меня будет зависеть, что конкретно я ему расскажу. Впрочем, я сомневаюсь, что Готье будет шпионить для графа Тибо. Но и в таком случае, вы останетесь в выигрыше: Папа высоко оценит такой ход, как приближение к королю епископа графства Шампань.

– Черт возьми! – и снова грохнул кулаком Генрих, отчего Анна вздрогнула. – В этой милой головке кроется дьявольский ум! А я еще сомневался стоит ли короновать ее! Да Реймс – самое место для ее миропомазания!

– Благодарю вас, Ваше Величество. Так ко мне будет допущен епископ Савейер? – деловым тоном спросила Анна. Король кивнул, стараясь держать голову прямо. Но выпитое вино затрудняло эту задачу, и Генрих слегка покачивался. – Спасибо. Наше венчание и коронация состоится через несколько дней, уверена, что он отлично разъяснит все детали таинств. Ваше величество, – девушка решила зайти с другой стороны. – вы очень устали, день был не легким. Вам нужно беречь себя и больше отдыхать. Час поздний…

– Вовсе нет, я не устал…– возразил было Генрих, но тут внезапно на выручку пришла баронесса. Она слегка кашлянула и выразительно посмотрела на Шарля. Юноша смущенно опустил глаза, поняв намек и вкрадчиво зашептал королю на ухо.

– Ваше величество, завтра вам предстоит посветить в рыцари несколько оруженосцев, посетить Реймский собор и отправиться на соколиную охоту. Вам стоит отдохнуть перед этим, а то собрались уже почти все ожидаемые главы доменов.

– Ты прав… – вздохнул король. – уступлю вашим уговорам. Отдыхайте и вы, Анна. Завтра Савейер будет у вас

Глава 4

Последние два дня до торжеств для Анны прошли в совершенном тумане. Она практически ни с кем не общалась, стоя на примерках как безмолвная кукла. Послушно выполняла все, что ей говорили. Если к ней обращались, то либо не отвечала ничего, либо говорила невпопад. Погруженная в свои думы и чувства, она полностью отстранилась от мира. То начинала беспричинно смеяться, то по пухлым щечкам текли слезы. Баронесса приложила немало усилий, стараясь накормить принцессу, так как та не проявляла никакого интереса к еде. О чем даже случилось перебранка с острой на язык Милонегой. Обе были озабоченны голодающей от волнения княжной, и обе старались найти выход. Русинка обвиняла француженку, что местная пища не съедобна и вызвать аппетит может разве что у Болотной Кикиморы. Баронесса же отвечала ей, что болезнь княжны вызвана мытьем в бадье с водой.

Но в душе Анны царил сумбур, а в голове полнейший хаос. Обилие тонкостей и деталей этикета предстоящих церемоний пугал ее легкой возможностью допустить ошибку, на которую девушка не имела права. Епископ Савейер, польщенный донельзя оказанной честью – личной просьбой принцессы стать ее духовником – неотлучно сидел в ее покоях, инструктируя девушку об ее действиях во время таинств. По его словам, специально ради дочери Великого

князя Киева изменили ход коронации королевы Франции. По старинному обычаю все супруги монархов принимали миропомазание на царство в аббатстве Сен-Дени, так не требовалось такой пышности, как при коронации короля. Но Киев настоял на том, чтобы Анна прошла такую же церемонию, как и Генрих, а на королевство ее помазали Священным миром. Специально для этого мастерские Реймса изготовили изящную копию короны короля, из привезенных Анной шкурок горностаев спешно сшили коронационную мантию, не уступающей той, что была на принце много лет назад. Но в ряде деталей сенешаль и прочие устроители праздника вынуждены были пойти на уступки. Так, например, Анне не пришлось провести вечер и ночь коленопреклонённой перед алтарем в Соборе при закрытых дверях с молитвой на устах – ограничились посещением вечерни, исповедью и причастием. В ходе церемонии ей не пришлось бы снимать свое облачение, щадя девичью честь и ритуально позволять одевать себя в королевские одежды. Изменение было совершенно и в принесении клятвы: когда Анне показали Библию, на которой ей предстояло приносить присягу, то девушка пришла в ужас от безнадежно испорченного вида Священного Писания. Время, паразиты и ужасные условия содержания за много лет превратило Книгу в ветхий, рассыпающийся фолиант. По ее приказу из воза с ее приданным, было извлечено Евангелие, привезенное из Киева, богато украшенное золотом и камнями, как и подобало этой Величайшей книге Христиан. Проявив необычайную твердость, русинка наотрез отказалась присягать на местном Евангелии, взамен предоставив свое в дар Реймской Епархии «по случаю своей коронации». Жители города во главе с архиепископом восхваляли молодую княжну за великий дар, и мгновенно провозгласили Евангелие одной из главных реликвий города. Анне же оставалось только радоваться, что делает успехи, выполняя наказ отца.

Несмотря на очевидную заинтересованность Франции в свадьбе с Киевом, Ярослав был заинтересован не меньше в этом браке. Границы влияния Священной Римской Империи опасно приближались к землям славян, а столкновение интересов двух империй Византии и Рима порождали все новые опасные противоречия. Князь русов старался уладить возможные международные конфликты путем заключения династических браков членов своей семьи, раскинув сеть матримониальных связей по всей Европе. Мир с Византией он купил, женив своего сына Всеволода на дочери от первого брака Михаила Мономаха, мужа императрицы Зои. А к молодому Императору Генриху отправил посольство с предложением руки своей дочери Анны. Но юный монарх вернул делегацию с богатыми ответными подарками и с твердым отказом, обострив и без того непростые отношения. Тогда Ярослав путем все тех же браков укрепил отношения с Польшей, Венгрией, Скандинавией. И Император

Генрих с удивлением обнаружил, что его страна окружена с восточной стороны государствами-союзниками Руси. Апофеозом такой династической политики Ярослава стал брак, отвергнутой императором Анны с Генрихом Французским, что было абсолютным залогом мира между державами.

Русские принцессы покидали Киев, чтобы стать королевами в других странах. Но каждую же свою дочь князь, отправляя в чужую страну, особенно наставлял о роли в этой сложной политической игре. Елизавета, Анастасия и Анна должны были, влияя на своих супругов, объединять и примирять народы между собой, продолжать дело своих святых родственников, распространяя христианскую веру по миру, и душить тем самым политической изоляцией Империю, заставляя поумерить ее амбиции.

Генрих же, отправляя посольство в Киев, придерживался своих интересов, более ясных и прозрачных, чем мудреная политика противостояний двух империй. Молодая династия Капетингов отчаянно нуждалась в наследнике престола, который будет иметь кровных родственников среди европейских монархов, что придаст ему веса в глазах мятежных вассалов. Прежняя династия вела свой род от Карла Великого и авторитет его наследников подкреплялся международными браками. С капетингами же европейские державы не стремились заключать союзов. Изначально заключенный союз с принцессой Фризской, должен был послужить сближению Франции с Империей. Но, увы, Мария умерла оставив королевства без наследника, которого носила в чреве. Союз же с одной из дочерей Ярослава позволял вступить в европейский анти-германский альянс, обезопасив свои границы. Отношения Франции и Империи были весьма непростыми еще со времен первых каролингов три столетия назад. И нынешняя раскладка сил не добавляла оптимизма в дальнейшем будущем. Короли Франции требовали вернуть герцогство Лотарингию, изначально принадлежавшее франкам. Императоры умело лавируя политикой и армией настаивали, что колыбель Карла Великого принадлежит им по праву. Поэтому, Генрих не без оснований предвидел в дальнейшем очередной возможный военный конфликт с германцами, и союз с другими сильными соседями-родственниками был на руку. Его дед и отец оставили на время извечные притязание на богатые земли Лотарингии, но сам Генрих вынашивал планы возобновить это противостояние.

К тому же, король франков отчаянно нуждался в королеве, которая обеспечит его потомством. А принцесса русов была лакомым кусочком: о красоте Анны, как и других русских княжнах, ходили легенды, и король смог убедиться в этом сам

при первой же встрече. А многодетность ее матери давали уверенность, что девица обладает завидным здоровьем и подарит, наконец, Франции наследника. Известен ему был факт и родовитости русинки: по матери она была внучкой шведского короля, ее дядя Олав – причислен к лику святых Церкви. По линии отца имела в роду четверых канонизированных родственников, двое из которых считались равноапостольными. К столь благочестивой девице следовало относиться с огромным почтением и уважением. Поэтому к коронации и венчанию жители Реймса подошли с особенными тщательностью и основанием, чтобы не ударить в грязь лицом перед иноземной красавицей. Улицы были вычищены, мостовые тщательно выметены, а старый мост через реку отремонтирован. Весь город был украшен цветами и яркими дорогими пологами, оживились рынки и лавки: на новую королеву съехались посмотреть сотни иногородцев-простолюдинов, не считая знати. Таверны и странноприимные дома были переполнены, вино текло рекой и по городу разносились аппетитные запахи жаркого и пряностей.

В день венчания Анну обрядили в подвенечное платье, уложили косы, покрыли голову длинной белой фатой, и в сопровождении придворных дам во главе с Милонегой и баронессой покинули замок. Прошествовав по брусчатому двору, они торжественно вышли на площадь перед Собором Нотр Дам де Реймс. Восторженная толпа жителей приветствовала ее громкими криками, кто-то благословлял ее крестным знаменем, кто-то кидал к ее ногам цветы. Анна на минуту застыла перед этой массой людей, не зная что делать. От волнения тряслись руки, она чувствовала как кровь отливала от лица, а ноги становились ватными. Милонега, оказавшаяся внезапно за ее спиной, слегка кашлянула и та вышла из оцепенения. Она заставила себя улыбнуться как можно более лучезарно и осенила жителей Реймса крестным знаменем в ответ. Этот жест вызвал бурную реакцию у толпы, которую едва сдерживали королевские лучники. К княжне подошел капитан королевской стражи, почтительно поклонился и тихо произнес:

– Ваше Высочество, не стоит оставаться на улице – это может быть опасно.

– Покажите дорогу. – кивнула Анна, постаравшись взять себя в руки. Получилось не очень хорошо, но по крайней мере шла она твердо и торжественно, а руки сжимали букет цветов. Однако в голове был туман, а от страха она боялась посмотреть по сторонам, чтобы не растеряться . Так и вошла она в Собор.

Как и в последний раз, в храме царил полумрак, играла органная музыка, пел хор из десятка голосов, проход между скамьями был украшен цветами и лентами, а вся утварь была начищена и отполирована до блеска, но рассмотреть детально было ничего не возможно: в храме было полно народу. Десятки глаз уставились на девушку изучающе, критикующе, жалеюще, восхищенно, ободряюще, ревниво… Анна старалась не смотреть по сторонам, чтобы не потерять присутствия духа и торжественного вида, но некоторые лица она из толпы выхватывала, и это не добавляло ей уверенности. Одному Богу известно кто друг ей, кто враг, а может, в толпе и подослан убийца. Она медленно прошла через всю церковь к алтарю, где уже ждал ее архиепископ с раскрытой Библией и Генрих. Король стоял в чистой новой тунике (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0) голубо цвета с желтыми вставками, украшенной геральдическими лилиями (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B4 с золотым поясом, богато украшенным камнями, и в короне. Густая борода была подстрижена, а жесткие волосы гладко расчесаны. Но все это не могло скрыть, что жених старше своей невесты на двадцать лет, в волосах поблескивает седина, кожа на лице, наполовину скрытая бородой, испещрена морщинами, а под туникой заметно объемистое брюшко. Но он с неприкрытым восхищением взирал на свою невесту, и когда она подошла ближе, подал ей руку и крепко стиснул ладонь.

Всю службу княжна словно проспала, так как на утро не помнила практически ничего из того, что было. Архиепископ что-то долго читал над Библией, пел хор, испарения от фимиамов кружили голову и не давали сосредоточиться. На бархатной алой подушечке им поднесли золотые кольца, и Анна с трудом надела на мозолистый грубый палец мужа перстень. Когда, наконец, все молитвы были прочитаны, а на пальчике Анны оказался золотой перстенек тонкой работы с рубином, архиепископ велел скрепить союз поцелуем, кровь бросилась в лицо Анне. Сердце забилось, как птица в клетке, и страх накрыл ее с новой силой. Она чуть было не отшатнулась назад, но в последний миг взяла себя в руки. Генрих, не замечая ее мечущейся души, крепко сжал жену в своих объятиях и прижался к ее губам, оцарапав щеки бородой. Девушка задохнулась от неожиданности и смеси нахлынувших чувств, увы, совсем не радостных. Но на ее счастье поцелуй длился доли секунды, и король, взяв ее за руку, церемонно развернул лицом к присутствующим. Придворные, торжественно молчавшие, глядя на таинство, опустились на одно колено. С бьющимся сердцем, Анна смотрела на эту толпу, словно окаменев, позабыв свои дальнейшие действия. Повинуясь кивку Генриха, который налюбовался видом коленопреклоненных людей, сенешаль махнул рукой, и двери церкви открылись, пустив странную процессию. Под задушевное

ангельское исполнение псалмов хористов в храм вошел пожилой священник, облаченный в торжественные богатые ризы. Четыре священника, одетые не столь пышно, несли над первым серебряный балдахин. У каждого из этих четверых на груди блестел на черной ленте массивный золотой крест с четырьмя лилиями и привешенным изображением голубя с бутылочкой в клюве. По углам же балдахина верхом на лошадях, чему Анна удивилась больше всего, ехали четыре вооруженных всадника, каждый в сопровождении личного берейтера. Сохраняя величественность и торжественность, вся кавалькада продвигалась к алтарю. Анна вспомнила, как Савейер рассказывал ей об этой важной детали коронации. В середине этой процессии двигался аббат монастыря Святого Ремигния, который нес главную святыню Франции – фиал со святым миро. Рака, в котором содержался сосуд был даже пристегнут золотой цепочкой к шее священника. Четыре священника, несших серебряный балдахин – Рыцари Ордена священной стеклянницы. Это епископы больших и богатых епархий, окружавших Реймс. Всадники же принадлежали к группе, которая назвалась Заложники Святой стеклянницы. Это было четверо владетельных сеньоров, уполномоченных сопровождать стеклянницу на пути из базилики Святого Ремигия (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BA собор (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%B9%D0%BC%D1%81%D1%81%D0%BA «Заложники» в ходе сопровождения Святой Стеклянницы неотлучно находились рядом с ней, и их миссия состояла в защите святой реликвии даже ценою своей жизни.

Вся процессия торжественно прошествовала к алтарю, где архиепископ Реймса получил из рук в руки священный сосуд. После этого Заложники спешились, поклонились королю и его молодой супруге и расселись в специальных резных креслах с высокими спинками. Анна воспользовалась секундной передышкой, вызванной манипуляциями с фиалом, и скользнула взглядом по рыцарям-Заложникам и почувствовала как кровь отхлынула от ее лица: в ближнем к ней кресле, вольготно раскинулся граф Рауль. В кольчуге, алом плаще и с собранными длинными кудрявыми волосами в хвост, он сидел, положив ногу на ногу и подперев гладко выбритую щеку кулаком.

Внезапно, ей стало плохо. Волнение и огромное напряжения сделали свое дело и силы стали покидать ее. Сердце Анны остановилось, и земля стала уходить у нее из-под ног. Страх опутал ее тело, путая мысли и чувства. Новобрачная чувствовала, что она вот-вот упадет в обморок. Но прямой взгляд зеленых глаз графа буквально пригвоздили ее к месту. И этого оказалось достаточно, чтобы

девушка взяла себя в руки. Его твердый взор, спокойное выражение лица подбодрили ее. Граф словно поделился с ней своей невообразимой энергией, твердостью и мужеством, которым просто сжигал все вокруг себя. Она поморгала, прогоняя дурноту, но не отводила взгляд. А он, поняв, все без слов, улыбнулся ей и озорно подмигнул. Анна торопливо повернулась к алтарю, опустилась на колени на бархатную подушечку и наклонила голову. Бурю чувств она железной волей прогнала, решив все обдумать «потом», но понимала, что бесконечно благодарна этому Заложнику за немую, но бесценную помощь, которая останется только между ними.

Архиепископ тем временем встал перед коленопреклонённой Анной с елеем, куда было добавлена капелька святого мира. Хористы пели псалмы о даровании здоровья тела королевы, которых девица слушала стоя по-прежнему на коленях. Наконец, Святой отец большим пальцем правой руки помазал елеем макушку головы королевы, лоб, виски, впадинку между ключицами и ладони рук. После этого на плечи Анны набросили горностаевую мантию, а архиепископ взял ее за руку и торжественно усадил на трон. Епископы безмолвно надели на палец девушки кольцо – символ королевского достоинства, в руки дали скипетр – знак управления королевством и жезл правосудия. Сам же Архиепископ снял с девушки княжеский обод и водрузил золотую корону Франции. Отойдя два шага назад он торжественно провозгласил:

– Да здравствует королева!

– Да здравствует королева – грянул хор голосов присутствующих на коронации. Анна с гордо поднятой головой, с абсолютно прямой королевской осанкой восседала на троне, обозревая своих подданных со смешанными чувствами, и принимала их своеобразную присягу. Все самое страшное позади, она справилась. Интересно, что о ней думают присутствующие, как она смотрится на троне? Прямая спина, поднятая гордо голова, спокойное выражение лица – все как учила мать. Не удержалась и посмотрела на кресла Заложников. Но они уже пустовали. Священная Стеклянница отправилась домой, ждать следующего короля Франции и вся кавалькада покинула церковь, сопровождая ее в монастырь. И глядя на пустые кресла, Анна с грустью поняла, что лишилась своеобразной опоры. С неохотой она призналась себе, что пронизывающий взгляд молодого графа поддерживал ее и придавал силы. Настроение улетучилось мгновенно, когда к ней подошел король, подал руку, помогая подняться. Он смотрел на нее с неподдельным восхищением и обожанием. Так ребенок смотрит на изображение Святой Девы. Он поцеловал ей руку и улыбаясь

сказал:

– Поздравляю, королева! Вы были великолепны, Анна, настоящая Императрица…

– « Еще бы, меня ведь готовили на роль супруги правителя Священной Римской империи!» – с раздражением и внезапным презрением подумала Анна, но тут же себя одернула за неподобающие мысли.

Королевская свадьба отмечалась небывало широко и богато. Зал под сводчатым потолком был ярко освещен огромными металлическими люстрами с сотнями свечей. Щедро источаемый ими свет буквально заливал все помещения. Громко играли музыканты, выступали, жонглеры, певцы и менестрели, развлекая высокородную публику. На небольшом помосте возвышался стол, за которым восседала новоиспеченная королевская чета, а по периметру зала тянулась длинная змея столов для знати и посланников вассальных герцогств. Многочисленная челядь сбивалась с ног, обслуживая столы, и стараясь при этом не наступить на собак, бегающих по залу в поисках костей. Гости же щедро угощались обильными кушаньями и винами, громко смеялись в голос, разговаривали друг с другом, спорили. На некоторых концах рыцари мерялись силой, и их соседи шумно подбадривали. Некоторые сидели и тихо переговаривались друг с другом, поглядывая вокруг. Генрих, как и Анна почти ничего не ел, но в отличии от нее традиционно не брезговал вином, щедро подливаемым заботливым Шарлем. Милонега, стоявшая за креслом, шепотом старалась уговорить подругу съесть или выпить хоть немного, но тщетно. Мысли королевы витали где-то далеко. Ей было страшно, грустно и одиноко. Всю жизнь ее готовили к такому дню. Знала она, что он настанет, когда будет сидеть во главе стола с мужем по левую руку, с короной на голове и слушать здравицы и пожелания счастливой семейной жизни. Но, тем не менее, была к этому не готова – никого кроме подруги с ней не было в этот день. Чужая страна, чужой язык, чужие обычаи – все это пугало и страшило. А вид изрядно выпившего мужа не внушал ей оптимизма. Анна с неохотой призналась себе, что новоиспеченный ее супруг вызывает у нее раздражение и некоторую брезгливость. Хоть она и старалась гнать от себя эти грустные мысли и чувства, они снова терзали ее голову и сердце.

– Интересно, – подумала девушка – матушка так же чувствовала себя на своей свадьбе с батюшкой? Должно быть да – ее так же оторвали от семьи, привезли в чужую страну и выдали замуж за человека старше ее на двадцать лет.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей она стала рассматривать гостей, стараясь убедить себя, что не ищет конкретного человека. Но он нашелся скоро – сидел достаточно близко от короля среди герцогов, что было большой честью для графа. Его большой серебряный кубок был наполнен вином, а тарелка ломилась от всяческих яств. Но когда Анна нашла его глазами, поняла, что он тоже не отрываясь смотрел на нее. Свои шикарные темные волосы он распустил снова, позволяя по провансальской манере свободными кудрями спускаться на плечи. Богатая бархатная туника цвета красного вина очень выгодно гармонировала с черным жилетом, на котором красовалась золотая вышивка. Он сидел, слегка подавшись вперед в пол-оборота к королеве, но она прекрасно видела, что на его лице не играет привычная дерзкая усмешка, а глаза не сверкают обычным лукавством. Граф явно был погружен в свои думы, а его грустное лицо не оставляло сомнений в том, что его мысли были не веселы. Он встретился на мгновение с Анной глазами и снова ее пробил озноб. Рауль смотрел на нее со странной смесью чувств и эмоций, среди которой читалась грусть и тоска, и девушка отвечала ему тем же. Его колдовские зеленые глаза печально смотрели на королеву, словно прощались. Она же искала и находила в нем поддержку и опору для своей метущейся души. Ей казалось, что только он и понимает ее сейчас, чувствует ее боль и одиночество… Их немой диалог длился считанные секунды, пока сосед по столу не хлопнул его залихватски по плечу и граф отвел глаза. Очевидно, Анна захватила какой-то миг его слабости, потому что через секунду она увидела обычного ироничного и дерзкого графа. Он широко улыбался, опорожнял чашу с вином, наполнял ее снова, громко смеялся и активно о чем-то разговаривал с соседями по столу, уже не поворачиваясь к королевской чете. Но этих секунд хватило Анне, чтобы душащая ее тоска отпустила и на лицо вместе с румянцем вернулась легкая улыбка. Король внезапно заерзал в своем кресле, взял ее руку и приложил к своим губам. Девушка ответила ему мягкой улыбкой и нежным взглядом и продолжала рассматривать гостей.

Периодически к столу новобрачных подходили делегации с подарками и произносили речи и здравицы, стараясь перекричать крики и хохот захмелевших гостей.

Особенно важных дарителей Генрих Анне комментировал, наклонившись к ней и обдавая винными парами. Так, например, самой первой делегацией к ним подошли странные люди в ярких одеждах, с длинными волосами и остроконечными бородками. Они стояли, невообразимо гордо вскинув головы, прямыми спинами, а их лица выражали надменность и жесткость. Главный

среди них заговорил, и Анна с ужасом осознала, что ничего не понимает в их речи. Это был безусловно французский язык, но какое-то неизвестное ей наречие с сильным немецким акцентом. Говоривший произносил слова так, будто гавкал, а по его лицо совершенно невозможно было понять, о чем идет речь. Он словно нехотя поклонился и провел рукой над большим сундуком, его спутники открыли крышку и продемонстрировали дорогие меха-подарок. Генрих благосклонно кивнул, хотя в его глазах жесткость Анну напугала. Когда они отошли, король залпом выпил кубок вина и пояснил Анне:

– Бургунды. От моего братца Роберта прибыть изволили. Говорят, что герцог поздравляет короля и его молодую супругу, приветствует новую королеву на земле наших предков и выражает надежду, что королевская семья увеличиться как можно скорее.

– Странно, мне показалось, что он скорее проклинал нас, чем благословлял.

– Анна, – устало вздохнул Генрих. – Если у меня не будет детей, то королем Франции вполне вероятно станет Роберт. Как вы думаете, герцог Бургундии действительно радуется вместе с нами сегодня? А вот, уже знакомые вам лица.– уголки рта короля тронула улыбка: к столу подошел Бодуэн в сопровождении молоденькой девушки лет двенадцати.

– Ваше Величество, королева– поклонился граф королю, затем Анне. – Фландрия в моем лице…

– Ладно-ладно, – махнул рукой Генрих. – Рад видеть твою красавицу, наконец, у себя дома.– Королева, позвольте представить вам мою дочь Матильду. – девочка церемонно присела перед Анной. Дочь графа Фландрии была очень мала ростом, хрупка и, словно, вся невесома как перышко. Длинные черные гладкие волосы были заплетены в высокую прическу, увитую жемчужными нитями, удачно контрастирующими с ее голубыми глазами. На королеву она смотрела с некоторой толикой настороженности, но больше с интересом.

– Я рада приветствовать вас, леди Матильда. – улыбнулась Анна девочке и та искренне и открыто заулыбалась в ответ. – будем ли мы иметь честь лицезреть графиню?

– К сожалению, – уголок рта графа дернула усмешка, – моя супруга слишком слаба здоровьем, чтобы пуститься в столь долгий путь.

– Сестра никогда не отличалась крепостью – фыркнул король. – Но, надеюсь, Матильда останется подольше при дворе?

– Если ваши величества того пожелают. – поклонился Болдуэн. Он поднял поднесенный виночерпием кубок и произнес здравицу за здоровье молодой королевы. А Анна в это время заметила краем глаза молодого человека прожигавшего взглядом юную племянницу короля. Он сидел за столом мрачной горой и буравил взглядом девочку. Когда ничего не подозревающие фламандцы уселись на свои места, он поднялся со скамьи и в сопровождении двоих людей таких же мрачных и серьезных решительно подошли к королевскому столу. Отеческая улыбка с лица Генриха мгновенно пропала, едва он заметил приближающегося рыцаря. Гость был высок ростом, широк в плечах. Серые жесткие глаза и широкоскулое лицо выдавало в нем скандинавскую кровь. Короткие светлые волосы скрывались за шкурой белого волка, накинутого на одно плечо поверх кольчуги. Анна видела таких воинов достаточно при дворе своего отца – настоящий молодой норманн, уже побывавший не раз в боях, хотя на вид ему было не многим больше 20. Он стоял перед королевским столом, возвышаясь как громада над супругами, и смотрелся весьма угрожающе. Но внезапно он прижал правый огромный кулак к груди и поклонился, но быстро выпрямился.

– Приветствую тебя, герцог. – словно нехотя сказал король. Молодой человек удивленно и слегка растеряно таким холодным приемом вскинул брови. – Королева, позвольте представить вам Вильгельма Нормандского, сына Роберта Дьявола из рода Роллона Великана.

– Рада приветствовать вас, герцог. – улыбнулась Анна и добавила по-норвежски – Добро пожаловать ко двору.

– Королева знает язык моих предков? – удивился герцог. – До Кана, впрочем, доходили слухи, что дочери конунга Руси столь же образованы, сколь и прекрасны.

– Ты проделал такой путь, чтобы убедиться в этом? – недовольно отрезал Генрих. На миг от лица герцога отлила кровь от смеси удивления, обиды и гнева

на такой прием, но он быстро взял себя в руки, хотя его спутники заметно напряглись.

– Я покинул Нормандию ради многих целей. Желание почтить новую королеву было одной из причин, как и стремление лично поздравить с таким важным событием человека, которого привык считать названным отцом. – Так же резко ответил Вильгельм. Генрих поджал губы и глотнул вина. С полминуты герцог молчал, и они с кролем буравили друг друга взглядом. – Ваше величество, есть еще одна причина моего визита. Мне необходимо с вами переговорить. Дело чрезвычайно важное.

– Герцог, я не хочу говорить в такой день ни о каких делах

– Ваше величество, у меня есть сведения, которые очень заинтересуют вас. – с нажимом произнес молодой потомок викингов, но осекся, глядя на короля и недовольно поджав губы продолжил – я понимаю, что такой светлый день для всех нас, плохие новости не то, что вы хотели бы услышать… но не могли бы мы завтра переговорить наедине?

– Как говорят капелланы, герцог, – завтра будет день, будет пища. – отрезал король. У Вильгельма дернулась скула от гнева, он сделал большой вдох, беря себя в руки, махнул рукой, не отрываясь от короля и его молодой супруги, и один из его спутников преподнес коробку, обтянутую материей. Внутри оказались два серебряных кубка, украшенных драгоценными камнями.

– От лица великого герцогства Нормандия, – старался придать своему голосу спокойствие и любезность Вильгельм, – я поздравляю короля франков Генриха Первого с его женитьбой на дочери конунга Руси Анной. Прошу принять подарок от моей семьи к вашей свадьбе. – Генрих благосклонно кивнул, слуга принял дар и нормандцы так же грозно вернулись к своим местам. Анна постаралась прислушаться к их речи, но они сидели очень далеко и разобрать ничего не смогла. Как она отметила про себя, за потомками викингов наблюдал напряженно и граф Рауль, несмотря на веселый и, казалось, беспечный хмельной вид. Вильгельм же осушил еще несколько чаш вина и резко встав, покинул зал, даже не посмотрев в сторону короля. Анна проводила его взглядом, испытывая сильное напряжение от того, что герцог в таком бешенстве.

– Щенок…– прорычал гневно Генрих. – Мальчишка. Что он себе возомнил…

– А я бы не стала ссориться с ним. – пожала плечами Анна. – да, он молод, но он отнюдь не мальчишка. В нем чувствуется сила и железная воля. Он далеко пойдет.

– Он мальчишка, который если бы не я – не только не удержал бы трон отца, но и жизни лишился бы. Он всем обязан мне, и вот она благодарность – снюхаться с моими врагами.

– Он норманн, они горячи и непредсказуемы. Но лукавство – не по их части. Они берут то, что хотят сами при помощи силы и мечей. А плести интриги и строить заговоры…

– Вы еще юны и плохо разбираетесь в людях. – отрезал король.

– Я думаю, что он хочет поговорить как раз об Амьене. Стоит завтра поговорить с ним все-таки. – продолжала Анна. – возможно, он расскажет действительно что-то важное.

– Вы так считаете, королева? Хорошо, я подумаю. – Генрих махнул рукой, и к столу направилась делегация от герцогства Аквитания. Но Анна не могла отделаться от чувства опасности, которое внушал молодой герцог Вильгельм. Одно королева поняла точно – с этим юным викингом лучше не ссориться и для этого стоит пойти на все.

За весь вечер они больше не возвращались к теме нормандцев. Праздник шел своим чередом – гости трапезничали, кричали здравицы, менестрели пели песни, музыканты играли, собаки грызлись за кости и куски упавшей снеди на пол, Генрих пил вино и принимал поздравления и подарки от делегаций. Анна, не смотря на все уговоры Милонеги, съела только немного мяса и едва пригубила вина в своем кубке. Она понимала, что близится та минута, которую безумно боялась и опасалась, что любой кусочек еды застрянет у нее в горле. И, когда, наконец, придворные дамы вывели ее из шумного зала, Анна с одной стороны ощутила облегчение, что на нее перестанут таращиться десятки пар глаз и ее уши отдохнут от грохота и пьяных криков. Но с другой стороны ее желудок подскочил к горлу от страха перед предстоящим. Инстинктивно, перед тем как покинуть зал, она покосилась на Рауля. Он сидел по-прежнему на своем месте в окружении хмельных соседей, размахивал своей чашей, а на его колене, как и у многих других рыцарей, заливалась смехом хорошенькая служаночка. Но в

какой-то момент он поднял на нее свои зеленые глаза, и его острый взор снова царапнул ее душу. Он прожег ее до самого сердца, оставляя горячий след. Граф смотрел на нее с легкой грустью в глазах, но хмель от вина вернул ему привычное лукавство и безумную энергию, которой он щедро поделился невольно с молодой королевой. Этого ей хватило для придания мужества и она покинула зал, следуя за своими дамами.

Ее привели в покои короля. Несколько свечей тускло освещали большую кровать под балдахином, камин и два деревянных кресла перед ним. Видимо, Генрих, любил жить по-спартански просто – без уюта и ненужного шика. Анну раздели, распустили тугую прическу и сняли украшения, которые баронесса с величайшей осторожностью лично поместила в ларец и закрыла его на ключ. Милонега распорядилась принести таз с водой. Принимать ванну, разумеется, не было ни времени, ни возможности, поэтому новобрачную просто обтерли влажными тряпками. Затем на нее надели ночную сорочку из необычайного тонкого белого полотна, привезенного с Востока. Когда дрожащую от ночного холода девушку, наконец, уложили в постель, баронесса поставила на столик перед камином кувшин с вином и два кубка. Милонега обняла подругу под видом того, что поправляла подушку и ободряюще улыбнулась ей. В этот момент распахнулись двери, и вошел Генрих в сопровождении Шарля, Бодуэна и нескольких рыцарей. К облегчению Анны, графа де Валуа среди них не было.

Короля, видимо, уже переодели в другой комнате, так как на нем был только расшитый меховой халат поверх ночной сорочки. Он тяжело дышал и пошатывался, так как от выпитого вина сильно захмелел. Шарль помог ему снять халат и лечь в кровать рядом с молодой женой. Анна ощутила, как сильно продавился под ним матрас, от чего она сама едва не упала на него сверху на глазах у всех присутствующих. А их ждущий вид очень ее смущал и заставлял чувствовать себя неловко. Они все стояли над лежащими молодоженами, словно хотели быть свидетелями как брак будет осуществлен в финальной стадии церемонии. Генрих продолжал тяжело дышать рядом неподвижно, распространяя вокруг себя запах пота и вина. Анна, заливаясь румянцем смущения, неловко балансировала на перине, стараясь не потерять равновесия, и вопросительно смотрела на окружающих и в частности на баронессу. Та безмолвствовала и стояла как каменная статуя Девы Марии. Милонега так же, не понимая, взирала на присутствующих и соответственно покидать подругу не собиралась.

Но вскоре все встало на свои места: в покои зашел архиепископ Реймса в сопровождении нескольких служек с дымящимся кадилом. Будучи слегка навеселе, священник прочитал длинную молитву, размахивая дымящимися благовониями, и перекрестил королевскую кровать.

– И сказано в Писании: «Плодитесь и размножайтесь!». Да последуйте его Заветам, сохраняя священные узы брака. – закончил он. После чего, наконец, все по одному удалились из покоев. Милонега шла последней, и у самой двери обернулась, словно не желая уходить, и подмигнула Анне. Княжна на секунду перенеслась в Киев на несколько лет назад. Она вспомнила, как в девичьей светлице готовили к такой ночи пылающую румянцем смущения прекрасную Елизавету, как радостно, предвкушая, улыбалась Анастасия, распуская волосы перед встречей с Андрашем. Помнила, как потом обе хихикая, счастливые секретничали на утро с Агатой, самой старшей замужней княжной. Разумеется, сестры кое-что и самой младшей рассказывали о том, что происходит на брачном ложе и Анна знала, что ее ждет. И вот сейчас, лежа в одной постели с собственным мужем, она с удивлением осознала, что ее вовсе не одолевают чувства огромного счастья и предвкушения, в отличии от рассказов княжон.

– Неужели сестры чувствовали такое? – проносилось у нее в голове. – Тогда зачем они так бесстыдно лгали, говоря, что нет ничего слаще объятий любимого венчанного мужа?

Генрих тем временем издал какой то не то всхрап, не то хрюк, вздохнув и повернулся к молодой жене. Минуту он рассматривал ее пьяными абсолютно счастливыми глазами.

– Наконец-то мы одни. – пробасил он. – Наконец-то ты моя.

– Я ваша покорная жена. – опустила глаза Анна. Он приподнялся с трудом и навалился на нее всем телом. Едва не задыхаясь от отвратительного запаха кислого вина, пряного мяса и пота, Анна поерзала, стараясь подобрать наиболее удобную позу, чтобы не бояться быть раздавленной могучим телом мужа. А он тем временем целовал ее как голодный, дорвавшийся до еды, оставляя следы слюной, сжимал ее в своих объятиях как в тисках, от чего у нее перехватывало дух.

– И это и есть то счастье, о котором так блаженно рассказывала сестрам Елизавета? – подумала Анна, едва сдерживая рвотные позывы и крики боли. Она закрыла глаза, чтобы легче было расслабиться и постараться не думать о происходящем. Но стоило ей закрыть глаза, как перед внутренним взором предстало совсем другое лицо. Она почувствовала, как лежащее на ней тело мужчины помолодело лет на 10,похудело на несколько пудов, а объемный живот, вдавливающий ее в перину, пропал. Ее целовали совсем другие губы, жадные, горячие, зовущие, такие притягательные, как и его зеленые глаза. Сама не понимая, что делает, она провела ладонями по шее мужчины, запустила руки в кудрявые волосы и ощутила, что их длина достает чуть ниже плеч. Она ласкала эти волосы, позволяла целовать себя этим губам и со страстью отвечала на них. Железные объятья, сжимающие ее тело, приводили ее в восторг, захватывало дыхание от удовольствия и желания. Мужчина же на ней, казалось, просто озверел от ее неожиданного чувственного поведения. Он издал рычание и резко вошел в нее. Острая боль на секунду заставила открыть глаза и Анна внезапно осознала, где находится и что происходит. Ужасное понимание окатило ее ушатом холодной воды. С широко раскрытыми глазами смотрела она, судорожно напрягая мышцы, на гримасы страсти Генриха, слушая его стоны и восклицания. К счастью, они длились недолго. Через пару минут король издал протяжный стон и обмяк. Он поцеловал жену, перекатился на свою половину как бочонок с вином, блаженно улыбаясь.

– Ты просто волшебница! – проговорил он, засыпая. – Так хорошо мне не было еще ни с одной женщиной. – он широко зевнул, устроился поудобнее и взял ее за руку, засыпая. – Мы будем с тобой счастливы… все у нас будет хорошо… ты родишь мне детей, а я…

Но что король собирался сделать для их семейного счастья взамен на детей, он договорить не смог, так как его сморил сон и он громко захрапел. Анна, так и лежавшая неподвижно с того момента, как открыла глаза, слегка расслабила тело, напоминавшую туго натянутую струну. Она смотрела в потолок, приводя в порядок дыхание, боясь разбудить мужа. Когда Генрих захрапел, девушка осторожно высвободила руку, встала с кровати и накинула шерстяную накидку, оставленную заботливой Милонегой. Тело сводила странная судорога, сердце билось как птица в клетке, а все ее члены были словно деревянные. Голова слегка кружилась, и во рту был мерзкий привкус, подступающей рвоты. Шатаясь, Анна подошла к окну, в которое заглядывала полная луна, и невидящими глазами уставилась на звездное небо. Но очень скоро ее босые ноги окоченели от холодных плит пола и она села в одно из кресел перед камином. В ушах шумело, хоть свежий воздух от окна и снял головокружение, а тело по-

прежнему била дрожь. Анна налила себе вина из кувшина, оставленного баронессой. Кто-то говорил ей, что по местным обычаям в спальне молодоженов оставляют специальное пряное вино, чтобы подкрепить силы новобрачных. Но сейчас молодой королеве было необходимо наоборот успокоиться, и с этой задачей вино справлялось. Через несколько глотков сердце сменило бешеный ритм на нормальный, тело перестало напоминать дерево, тошнота ушла, а огонь камина согрел озябшие ступни, покоившиеся на небольшом куске овчины. Но мысли и чувства неслись в голове галопом, заставляя хозяйку делать новые глотки пряного сладкого вина. Позади нее на широкой кровати храпел ее муж, которому она поклялась в верности до гробовой доски перед Всевышним Богом. Как и все ее сестры, она сочеталась с человеком, выбранным ее отцом и матерью, выполняя долг дочери. Как и все ее сестры, она разделила с ним ложе. Но не чувствовала себя ни на крупинку такой же счастливой как остальные Ярославны. Почему? Да все просто! –горько усмехнулась Анна. – в отличии от всех своих сестер она вышла замуж за человека, годящегося ей в отцы. Она помнила героического воинственного Гаральда, молодого насмешливого Андраша с подтянутой фигурой, помнила и деликатного Эдуарда – юного красивого и изящного как девушка с густым румянцем смущения на щеках. Как были прекрасны княжны, стоя рядом с супругами. И только ей достался немолодой, некрасивый выпивоха, грубый и невоспитанный женоненавистник. Ах, батюшка, зачем же ты так не любишь свою младшую дочь, что из всех монархов Европы ты выбрал ей именно этого короля? А матушка? Как же она допустила…– но тут Анна остановила свои жестокие и обидные мысли и вспомнила мать. Внезапно у нее открылись глаза на жизнь княгини. Теперь королева Анна смотрела на супругу Ярослава другими глазами, не как дочь, но как сторонняя женщина. И увидев, ужаснулась – до того оказалась схожа их судьба. Принцесса Ингигерд была вынуждена нарушить слово принцу Олаву, данное еще девочкой, с которым выросла. Уехать в далекую Русь и выйти замуж ей – 18-летней самой прекрасной девице во всей Швеции за сорокалетнего хромоногого Ярослава, который был скорее хитер и умен, чем храбр и воинственен. Более неподходящей пары найти было сложно и юной княгине, попавшей в водоворот распрей за трон своего покойного свекра, пришлось встать вместе с мужем во главе войска и, порой, лично вести его в бой, с мечом отстаивая право мужа на киевский стол. Плести интриги, заключать политические браки и терпеть несносный характер стареющего мужа, который чувствуя собственную ущербность, постоянно ревновал яркую и красивую супругу по отношению к королю Норвегии Олаву. Поговаривали, что у него были основания, так как княгиня никогда не забывала своего первого жениха, храня в своем сердце любовь к нему. Сейчас Анна понимала мать как никогда раньше – делить ложе и рожать от нелюбимого мужа, которому поклялась быть верной и

учить тому же дочерей, хотя и мечтать о другом. О другом… – Анна сделала еще глоток вина, так как ее щеки запылали как огненные, а в голове зашумело. Ей было стыдно за то, что произошло. Она, венчана перед Богом, разделила брачное ложе с мужем, но в мыслях была вовсе не с ним. Какой кары ждать ей от небес за такое прелюбодеяние? – она сжалась вся в комок, словно ее вот-вот поразит огонь небесный, но ничего не произошло, и перед Анной снова предстал граф Рауль. Как всегда, дерзкий, лукаво сверкающий зелеными глазами, и хитро улыбающийся. Надо было признать, что все то, чему ее учили строгие наставники всю ее жизнь, разбилось здесь и сейчас. Разрушилось и превратилось в пыль, столкнувшись с этой улыбкой и хитрым прищуром. Анна с горечью осознала, что ее безумно влечет к этому мужчине. Но почему – понять не могла. Красивым назвать его было сложно: тонкие губы, слегка выдвинутая вперед нижняя челюсть, орлиный нос с горбинкой. У себя дома она видела куда более красивых мужчин, особенно среди спутников Гаральда, но почему-то именно лицо графа Рауля останавливало ее взгляд – неправильный прикус не только не уродовал лицо, но придавал ему скорее особый шарм, слишком крупный для того, чтобы считаться красивым нос делал лицо мужественным. Его глаза? Может дело в них? Удивительные зеленые в сочетании густыми каштановыми локонами? Безусловно, они околдовывают. Или то, как он смотрит на нее? Анна помнила, как смотрели на нее некоторые варяги на свадьбе Елизаветы, но их взгляды скорее пугали Ярославну, чем порождали иные сладкие мысли. Помнила она и как смотрел на княжну император Генрих, когда она со своим кортежем проезжала по его землям, и им был оказан пышный прием. Императрица, дочь герцога Аквитании, сидела рядом с мужем и давилась желчью, видя, какие нескромные взоры кидает ее супруг на русинку. Анна тогда еще с злорадством думала, что предпочтя политический союз Генрих был вынужден делить ложе с некрасивой серой мышью с раздутым самомнением и изводящей мужа своей ревностью. Жалел ли император о том, что отказал послам Ярослава тогда, несколько лет назад, глядя на прекрасную дочь князя, Анна не знала. Но ловя его просящие взгляды, поддавалась на уговоры задержаться при дворе еще немного. Однако и он не трогал души и сердца княжны. Ее готовили быть образцовой христианской женой и королевой, и она стойко оберегала свой покой, храня всю свою любовь и нежность для назначенного ей Богом и отцом мужа. И ради чего? Чтобы в тот самый момент, к которому она так готовилась, изменить супругу? Пусть и в мыслях, но факт остается фактом: она была с другим мужчиной. И что девушку пугало и мучило презрением к самой себе – будучи, хоть и в своих фантазиях, в его объятиях она была счастлива. Она жарко ловила его поцелуи, отдавалась вся, без остатка… Но стоило мороку упасть, и осознать кто лишал ее девства, как она превратилась в деревяшку мореного дуба. Что с ней? – Анна глядя в огонь

камина вспомнила эти сладкие минуты их воображаемых поцелуев, жарких объятий, вспомнила его такие манящие густые волосы, которые так и влекут запустить в них ладонь, вспомнила его шрам на виске и почувствовала, как жар желания накинулся на нее с новой силой.

Она допила вино, чтобы успокоить бьющееся сердце, так как сделала открытие: да простит меня Бог, но я грешна. Грешна, ибо люблю не своего мужа, которому клялась в верности, а другого. И да простит Бог мою мать, всю жизнь тщательно лелеявшую любовь к Олаву Норвежскому, при этом деля постель с Ярославом Киевским! – вспомнив снова мать, Анна невольно успокоила метущуюся душу. – Вот оно! Вот что ей делать! Эта тайна навсегда останется в глубине ее сердца, никогда она не поведает о ней даже на и исповеди. Она будет самой верной и преданной женой, делами во славу Святой церкви и Бога на благо Франции искупит этот невольный грех прелюбодеяния. Как и мать, она будет той, кем ее учили быть – христианской королевой и матерью народу, и никто и никогда не усомнится в ее чистоте. Генрих считает, что Анна с такой страстью отдавалась ему сегодня ночью, красные пятна на простыни доказательство ее целомудрия. Ни у кого не возникнет сомнения. И уж тем более у самого графа Рауля. Надо держаться от него подальше и вытравить чувства к нему, влечение и желания. А уж владеть собой дочерей Великого князя учили с детства, и сама их мать был им самым лучшим примером.

Анна поставила бокал на столик, сняла накидку и нырнула под одеяло. Генрих пробурчал что-то во сне, сгреб ее в охапку и прижал к себе. Она едва подавила в себе острый приступ отвращения от нахлынувших запахов.

– Привыкай, Анна. – велела она себе и быстро провалилась в сон.

Глава 5

Он снова оказался здесь, на этом чертовом поле близ Бар-ле-Дюк, в долине реки Орнен. Снова над полем, покрытым перелесками и дикими виноградниками кружили стаи воронья. Снова тишину разрывали трубы, зовущие в бой две армии. И снова он стоял под штандартом своего отца с резервом, ожидая сигнала ринуться в атаку. Ему 16 лет, он столь же юн, сколь и горяч. Энергия и

жажда битвы бурлит в нем с силой вулкана, острый меч в руке наготове, лицо как и подобает храбрецу не закрывает кольчужная сетка, а шлем голову. Внизу в долине кипит битва, он видит как нормандцы обходят войска старика Эда с тыла и, не дожидаясь приказа отца, мчится со своим отрядом на выручку. Он летит, пробивая себе путь мечом, рубя направо и налево, не замечая ничего кругом, безумно хохоча, пьяный от крови и битвы. И снова стрела попадает в брюхо коня, затем другая и верный боевой товарищ падает замертво. Но он успевает отскочить и принять боевую стойку. Его атакуют, но он пьян и весел, он любимец Фортуны, он не победим. Он издает звериное рычание и кидается в атаку, замечая, что его небольшой отряд сломлен и раздавлен. Люди обращаются было в бегство, но он своей яростью и волей к битве ведет их снова в атаку. Они теснят нормандцев, и очередная победа еще более пьянит его, он непобедим! Его меч не знает промаха, каждый удар встречает человеческую плоть, он слышит крики и стоны, как журчит кровь и как кто-то кричит: «Берсерк!». Он не знает что это, и не хочет знать. Он хочет одного – биться и побеждать. Но впереди, метрах десяти внезапно вырастает неизвестный рыцарь. Он закован в кольчугу, без знамен и гербов, лицо закрыто шлемом и защитной сеткой. «Трус!» – хочет крикнуть любимец богов, но неизвестный рыцарь идет пешком по полю к нему, по пути разя своих врагов. Его меч так же не знает промаха, он с одного удара пробивает кольчуги, дробит черепа через шлемы, но даже не сбавляет шага. Нормандцы, почувствовав новый прилив вдохновения, рванули в атаку и смяли очередной отряд мятежников. Видя это, любимец богов направляется к нему, сбивается на бег, атакуя неизвестного рыцаря без знамени и герба. Но встречает ответный удар такой силы, что подает на землю. Снова вскакивает, уворачивается от удара, наносит свой, но неудачно. Он бьется в исступлении – рыцарь словно ангел смерти неуязвим. Словно каким-то чувством угадывает все планы и действия противника и опрокидывает его на землю. Наконец, он наносит удар рукоятью меча под дых и юнец падает на землю, хватая воздух ртом. Он не верит в поражение, это невозможно – он баловень Фортуны! Царапает землю, скрежещет зубами, стараясь дотянуться до меча. Но нога в тяжелом сапоге отшвыривает оружие, а рука в латах бьет в правый висок. Боль такая, что едва не теряет сознания. Он пытается судорожно придумать что-нибудь сквозь жгучую боль, признать поражение – выше его достоинства. Но острие меча упирается в его незащищенную шею, а сапог придавливает к холодной и мокрой от крови земле.

– Ты храбро дрался, мальчик. – рыцарь снимает свой шлем и открывается лицо бородатого, тронутой ранней сединой мужчины. – Но битва окончена. – он смотрит по сторонам и видит лишь нормандцев. Его люди либо убиты, либо ранены, либо взяты в плен.

– Я не мальчик! – пытается он сохранить лицо и дерзко бросает обидчику. Лицо болит немилосердно, словно прижгли огнем. Он чувствует, как по щеке течет кровь.

– Ты хороший воин, мне жаль убивать тебя. – продолжает рыцарь. – Возможно, ты мне в будущем пригодишься. Как тебя зовут?

– Рауль. – цедит сквозь зубы юнец, что может быть хуже поражения? – Я старший сын графа Валуа Рауля III.

– Старший сын…– вздыхает победитель. – я сохраню тебе жизнь, мальчик. Надеюсь, что больше не встречусь с тобой на поле сражения, я не всегда бываю милосерден. Возвращайся к своим людям и штандартам и передай им, что Эд де Блуа убит, а твой отец пленен. – он убирает меч, Рауль униженный поражением и взбешенный таким «милосердием» врага поднимается, но оружие ему не спешат возвращать. Он поворачивается в сторону своего лагеря и слышит:

– На будущее, сын графа Валуа, – усмехается неизвестный рыцарь. – впредь защищай голову шлемом, иначе шрамов на твоем лице будет гораздо больше.

Он задыхается от ярости, унижения и оскорбления. Клянется себе, что отомстит во что бы то ни стало. Держится за ребро и идет к своему лагерю, мимо расступающихся перед ним хохочущих нормандцев…

Чувства гнева и унижения настолько сильны, что он открыл глаза. Он лежал в своих покоях, на широкой кровати под балдахином на скомканных простынях. И в темноте слышно только его собственное тяжелое дыхание.

– Это сон. – сказал он себе, успокаивая напряженные чувства и мысли. Тело била крупная дрожь, а на лбу выступили крупные капли пота. Повинуясь секундному порыву, он даже потрогал старый шрам на виске, опасаясь, что тот открылся. Удостоверившись, что все в порядке, он встал с горячей постели и дотянулся до штанов, валявшихся неподалеку на полу. Ощутив, как плотная ткань обтянула ноги, он почувствовал себя заметно лучше. Но все тело по-прежнему было ватным, слегка кружилась голова, мучила жажда, а во рту стоял противный привкус. На прикроватном столике стоял графин с вином и манил своей живительной влагой. Пошатываясь, граф подошел к заветному сосуду, налил

себе, выпил залпом и почувствовал себя совсем хорошо. Снова наполнил чашу и подошел с ней к окну.

Царила ночь, полнолуние уже миновало, но идеально круглый диск ночного светила все еще ярко горел на темном небосводе. Рауль уперся локтем в боковую часть оконного проема, сделал глоток вина и с удовольствием подставил ночному ветру лицо, позволяя ему свободно трепать распущенные волосы. Чистый прохладный воздух и вино сделали свое дело – тело графа расслабилось, эмоции улеглись, и он мог спокойно подумать.

– Почему мне приснился Бар-ле-Дюк? – спросил он у звездного неба, но, разумеется, ответа не получил. – я давно похоронил это воспоминание.

Рауль смотрел на луну, блаженно вдыхал запах ночной сырости, ветер качал тяжелые локоны, и его голый торс совсем не чувствовал холода как и босые ступни. Разгоряченный кошмаром из прошлого и пряным вином, граф ощущал, как все чувства и мысли приходят в норму и успокаиваются. Но внезапно его взгляд упал на угол башни замка, где тоскливо и одиноко в единственном окне горели несколько свечей. Королевская опочивальня. Здесь, в замке Реймса, покои фаворитов монарха находились далеко, что, в принципе, было объяснимо. Генриху в эту ночь было не до стратегий или плетения интриг. Сегодня он наслаждался своей молодой прекрасной женой. Раулю оставалось только радоваться – его собственные интриги давали свои плоды. Наутро будет торжественно продемонстрирована королевская простыня с красными пятнами в знак того, что брак осуществлен. И Франция получила королеву. А государство через нее приобрело мощных союзников в борьбе против Империи. Генриху досталась женщина, о которой многие мужчины только мечтают.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Данны – предки современных датчан. По благословению Папы Римского разрушат святилище на острове Рюген в 12 веке.

Купить: https://tellnovel.com/volkova_vasilisa/tri-lepestka-korolevskoy-lilii

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити